

Владимир Слепченко

СВОИХ НЕ БЬЮТ

Владимир Слеченко

Своих не бьют

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23100376

ISBN 9785448379628

Аннотация

Четырнадцатилетний подросток переезжает с родителями из затерянного уголка России в Москву. Конфликты в школе, новые враги и друзья, первая любовь, непонимание со стороны тирана-отца. Как выжить во всем этом и выстроить взаимоотношения с одноклассниками, учителями и родителями? Об этом повествует история «Своих не бьют».

Содержание

1	5
2	10
3	15
4	19
5	31
6	38
7	44
8	55
9	63
10	79
11	92
12	101
13	111
14	117
15	123
16	131
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Своих не бьют

Владимир Слепченко

Редактор Евгения Слепченко

© Владимир Слепченко, 2019

ISBN 978-5-4483-7962-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

– Москва, Москва... да сдалась мне ваша долбаная Москва! – крикнул в сгущающиеся сумерки высокий четырнадцатилетний парень, шагая по скованному ранним льдом озеру. – Дали хотя бы школу закончить! Я не хочу ни в какую Москву! Слышите, не хочу!!! – сжимая кулаки и угрожающе поднимая их к безмолвному, хмурающемуся небу, заорал он.

– Хочу, хочу, хочу, – насмешливо пропело в ответ эхо, отраженное тесным сосновым строем, намертво вросшим в берег.

– Да пошли вы все!!! – со злостью резанул он ладонью ни в чем неповинный воздух и топнул ногой.

В этот момент послышался угрожающий хруст, который мгновенно выдернул Стаса из мира грез. Из—под ног черной молнией вырвалась трещина, взламывая застывшую поверхность озера. Неожиданно Стас оказался на льдине, которая под его тяжестью начала крениться. Сердце парня бешено заколотилось, глаза округлились от ужаса. Он отчаянно пытался поймать равновесие, но непослушные ноги скользили и разъезжались в разные стороны. Тут льдина вздыбилась на ребро, Стас потерял опору и оказался в студеной воде. Глыба льда с обломанными острыми краями устрашающе нависла над ним. Еще мгновение и крышка ледяного гроба захлопнется.

Стас сделал отчаянный рывок, пытаясь приблизиться к краю полыньи, но напившаяся воды одежда начала тянуть его вниз. Он, что было сил, заработал ногами. Руки судорожно дергали как назло заклинившую молнию пуховика. Наконец та поддалась, и разодранная куртка скользнула в пучину. В эту самую секунду льдина дрогнула, и начала медленно опускаться. Стас в ужасе вцепился окоченевшими пальцами в застывшую поверхность озера. Сделав отчаянный рывок, он выкарабкался из воды и откатился в сторону. В этот момент огромная льдина с грохотом закрыла полынью, напоследок обдав лежавшего неподалеку парня холодной волной.

«Фу, кажись, жив», — тяжело дыша и сплевывая попавшую в рот воду, подумал Стас и закрыл глаза.

Немного отдышавшись и успокоившись, он попластунски пополз к берегу. Почувствовав под собой припорошенную ранним снегом землю, Стас с трудом поднялся на ноги. Прячась за деревьями и держась кромки леса, в котором затерялся их военный городок, он побежал в сторону дома, трясаясь от холода и пережитого ужаса. Мороз крепко прихватил мокрую одежду, которая сковывала движение.

Через четверть часа запыхавшийся и вконец обессиленный Стас был напротив четырехэтажного кирпичного дома. Оглядевшись, он зашел в подъезд и, с трудом, поднялся на второй этаж. Остановившись перед дверью своей квартиры, Стас запустил руку в карман брюк, где нащупал связку ключей.

«Хорошо хоть, что положил ключи в джинсы, а не в куртку. А то бы пришлось бежать на работу к матери или чего хуже к отцу», – поежившись, подумал он.

Трясущейся от холода рукой Стас долгое время не мог попасть ключом в замочную скважину. Наконец тот скользнул в узкое отверстие. Замок щелкнул, дверь отворилась, и Стас оказался внутри небольшой двухкомнатной квартиры. Порядочно повозившись с заледеневшими шнурками, он, наконец, снял в коридоре ботинки и, оставляя за собой мокрые следы на желтом линолеуме, добрался до ванной комнаты. Открыл горячую воду и подставил под струю посиневшие от холода ладони. Через минуту в пальцах появилось приятное покалывание. Стас с трудом стянул с себя начавшие оттаивать джинсы и свитер и запихнул их в стиральную машину. После чего забрался в набирающуюся ванну. Усевшись поудобней, он закрыл глаза и впал в забытье.

– Стас! – вырвал его из полудремы резкий мужской голос. Стас вздрогнул и открыл глаза.

«Неужели родоки так рано вернулись?» – с досадой вздохнул он.

– Стас! Я к кому обращаюсь? Почему вода в коридоре? – требовательно спросил отец.

– Пап, плохо слышно. Сейчас домоюсь, расскажу.

«Блин, – подумал Стас. Надо было сначала пол вытереть. И как им объяснить, где куртка?»

Открывать родителям правду не хотелось.

«Все равно не поймут. Отец сто пудово начнет орать, говорить, что нечего шляться, где ни попадя. А мать будет кивать головой и поддакивать ему, даже если думает по—другому», – подумал он.

Все ничего, он бы справился, если бы не давившая тоска от того, что скоро придется покинуть свой мир, друзей, школу.

Выйдя из ванной он тут же натолкнулся на скрестившего на груди руки отца. Тот, не моргая, строго смотрел на вытянувшуюся за последнее лето худощавую фигуру сына, ожидая вразумительных объяснений. Густые чуть рыжеватые усы шевелились под большим мясистым носом, что говорило о том, что отец не в лучшем расположении духа. Из кухни вышла мать и встала рядом с отцом. По сравнению с ним она казалась маленькой и хрупкой. Мать прятала серые глаза за толстой диоптрией слегка затемненных очков.

– Ну, в общем... – промямлил Стас.

– Переходи от общего к частному, – отрезал отец.

– Я на озеро ходил. Хотел перед отъездом еще разок там побывать. Оно уже подо льдом. Я на него наступил. Он не выдержал меня, проломился, и я оказался в воде. Вот...

Мать охнула, прикрыв рот рукой. Отец, буравя Стаса недоверчивым взглядом, ожидал окончания истории.

– И что дальше? – спросил он замолчавшего сына.

– Ну, я выбрался и бегом домой. Правда... – виновато глядя в пол, замялся Стас. – Куртка потонула.

– Говорил тебе, – повернулся отец к матери, – нечего было покупать ему новую куртку. А ты? В Москву едет, надо приодеться... и в старой мог бы еще походить. Только деньги на ветер выкинули, – недовольным голосом проворчал отец и пригладил пышные усы. – Иди к себе, собирайся, – бросил он сыну, поворачиваясь к нему спиной. – Стой, – приковал его к месту голос отца. – И смотри, не вздумай мне заболеть перед отъездом.

«Фу—у—у! Кажись, пронесло в этот раз!» – облегченно вздохнул Стас, закрывая за собой дверь в комнату.

2

На следующий день, возвращаясь со школы, Стас в задумчивости остановился на лестничной площадке. Он поочередно переводил взгляд со своей двери на соседнюю. Пару минут потоптавшись в нерешительности, Стас, наконец, шагнул в сторону соседской квартиры и надавил на кнопку звонка. С той стороны послышались звуки незамысловатой трели, к которой присоединились торопливые шаги.

– Иду, бегу! – пропел из глубины квартиры приглушенный женский голос, и дверь широко распахнулась.

– Стас?! Рада, что ты зашел попрощаться! Проходи! – пригласила его войти невысокая пожилая женщина, закутанная в русский шерстяной платок.

– Галина Викторовна, вы уже все знаете!?

Тонкая оправа очков скользнула вверх по переносице. В сапфировых глазах сверкнули озорные огоньки, и Галина Викторовна нежно улыбнулась.

– Стас, в нашем городке новости распространяются быстрее, чем рождаются. Да ты раздевайся. Пойдем в кухню, будем пить кофе. Или может тебе чайку сделать?

– Галина Викторовна, да я на минутку. Просто... ну, в общем, хочу сказать вам спасибо за все, что вы для меня сделали, – упершись смущенным взглядом в пол, пробормотал Стас, снимая ботинки.

Женщина дала ему тапочки и потрепала рукой по голове.

– Что же я такого особенного для тебя сделала? Ты, как и все остальные ходил ко мне на уроки английского, – говорила Галина Викторовна, провожая Стаса через узкий полутемный коридорчик в небольшую светлую кухню. – А то, что тебя заинтересовал язык, и ты нашел в себе силы и время, чтобы его освоить, это заслуга целиком твоя, дружок. Мне было приятно наблюдать, как раскрываются твои способности.

Она усадила Стаса за круглый стол, покрытый белоснежной скатертью, отороченной красной канвой. Через несколько минут появились тонкие фарфоровые чашечки, которые Стас боялся не то что взять в руку, а даже просто взглянуть на них. Казалось, от малейшего прикосновения или движения воздуха они могут дать трещину. По кухне пополз аромат кофе.

Пока Галина Викторовна следила за капризным напитком, укрывшемся в небольшой медной турке на газовой конфорке, Стас глядел сквозь полупрозрачный тюль на занесенные снегом вершины сопок. Через несколько дней все это превратится в воспоминания. Четырнадцать лет жизни среди непроходимых болот, озер, лесов, военных полигонов и стрельбищ зачеркнет белый след самолета, который умчит его с родителями в столицу.

– Ну, чего ты загрустил? Радоваться надо! – подбодрила его Галина Викторовна. – Я же тебе не раз говорила, что у те-

бя ярко выраженный талант к языкам. А здесь я тебя смогла научить лишь тому, что знала сама. Английским ты владеешь отлично. Как человек, проработавший четверть века переводчиком, я тебе это заявляю с полной уверенностью. Хоть сейчас поступай в ин. яз. Там, в Москве, ты сможешь освоить и так любимый тобой французский.

При последних ее словах Стас втянул голову в плечи и с опаской огляделся по сторонам, как будто кто—то мог их подслушать.

– Галина Викторовна, уже все решено, после восьмого я иду в суворовское. Отец считает, что переводчик не мужская профессия. Я как—то пробовал с ним поговорить на эту тему, но он и слушать не захотел. Сказал, не бывать этому и точка.

– Ничего, не вешай нос! Переводчик такая же профессия, как и все остальные, не менее важная. И тем более, никто не знает, что будет завтра. Жизнь не стоит на месте. Все течет, все меняется, – подытожила Галина Викторовна, разливая по чашкам так и не успевший ее обмануть, убежав через край, турецкий напиток. – Ты главное помни про свою мечту и ощущай важность выбранного тобой дела. И, конечно же, не останавливайся, продолжай ежедневно заниматься. Как говорил один великий пианист: «Если я не подхожу к инструменту один день, то результат замечаю я сам. На следующий – слышит моя жена. Ну а на третий – публика». Мне, Стас, честно говоря, будет тебя не хватать. С кем еще мож-

но поболтать на хорошем английском в этой глухомани? — лукаво улыбнувшись, подбодрила она своего любимого ученика. — А там, в столице, тебе будет лучше, поверь мне.

— Лучше чем здесь? Хм... здесь друзья, свобода. А что там?

— А там все это у тебя появится через некоторое время. Да ты кофе—то пей, а то совсем остынет. И на прянички налегай, — сказала Галина Викторовна, пододвигая поближе к Стасу тарелку с фигурными сладостями.

Стас бережно взял со стола фарфоровую чашечку и втянул в себя кофейный аромат. Затем сделал несколько маленьких глоточков. Пар обжег лицо, а горечь напитка согрела и взбодрила изнутри.

Они молча сидели друг напротив друга, потягивая кофе. Она, невысокого роста, хрупкая, как фарфоровая чашечка из ее сервиза. Волосы с проседью были туго стянуты на затылке в замысловатую старомодную прическу, каких уже давно не носят. На плечи, сколько ее помнил Стас, у нее всегда был накинут шерстяной платок с красочными русскими мотивами. Через поднимавшееся вверх облако кофейного пара на него смотрели добрейшие глаза жены замкомдива. А он, высокий, худощавый, с коротко остриженной головой как у новобранца, глядел на нее полными надежды и грусти голубыми глазами.

Стас перевел взгляд на настенные часы, тихо, но безжалостно быстро оставляющие прошлому драгоценные секун-

ды, и поднялся со своего места.

– Спасибо вам, Галина Викторовна. Я побегу, нужно к отъезду готовиться, – с сожалением сказал Стас и направился в прихожую.

– Иди, мой хороший, еще увидимся, – с нежностью обнимая мальчишку, сказала Галина Викторовна. – И помни, только от тебя зависит, как сложится твоя судьба, потому что ты ее полновластный хозяин. Ты! Ни родители, ни обстоятельства не властны над тобой, – шепнула она ему на ухо и проводила взглядом до соседней квартиры.

3

В Домодедово Стаса и его родителей встретил однокашник и закадычный друг отца, широкоплечий добряк дядя Сережа. Погрузив чемоданы в старую служебную волгу черного цвета с военными номерами, они покатали к месту, где Стаса ожидала новая жизнь.

Через час машина завернула во двор и остановилась у первого подъезда серой панельной пятиэтажки. Фасад был утыкан круглыми спутниковыми тарелками, напомнившими Стасу ледянки, на которых он с друзьями летал с высотных сопок. Ветер сдирал с деревьев красочную осеннюю листву, подхватывал и кружил, словно играя с ней. А потом аккуратно укладывал живым пестрым ковром вокруг дома.

– Приехали. Ленька, держи ключи, – дядя Сережа извлек из внутреннего кармана камуфляжной куртки слегка помятый конверт и протянул его отцу своей могучей рукой.

Отец с другом вышли из машины и закурили. Дядя Сережа открыл багажник и хотел выгрузить чемоданы.

– Оставь, кури спокойно, – остановил его отец. – Стас, займись багажом. Ань, возьми ключи, – отдал распоряжения отец.

– Четвертый этаж, двенадцатая квартира, – напомнил дядя Сережа, проведя рукой по коротко остриженной голове.

Стас закинул за спину рюкзак и взялся рукой за неподъ-

емный чемодан. С трудом выдернув его из машины, он вслед за матерью, полусогнувшись от тяжести и пыхтя как старый паровоз, вошел в подъезд и потащился по затертым ступеням старой лестницы на четвертый этаж.

Щелкнул дверной замок, и они оказались внутри малогабаритной двухкомнатной квартиры. В нос ударил затхлый запах. У Стаса сложилось впечатление, что он попал на склад, где хранились проеденные молью старые солдатские шинели. Стены были оклеены выцветшими, потрепанными временем и домашними питомцами зелёными обоями в елочку. Пол устлан светло—коричневым, местами протертым до дыр линолеумом.

Стас снял ботинки и повесил куртку на крючок, торчащий рядом с входной дверью и угрожающе целящийся во входящего. Оглядевшись, слева от входа он заметил выкрашенную белой краской дверь. Толкнул ее и оказался в небольшой комнатке с балконом. Рядом с окном по правой стороне стоял старый письменный стол цвета лесного ореха. За ним вдоль стены присоседился продавленный временем диван с выпирающими пружинами. Слева от двери, словно часовой, на вытяжку стоял узкий шкаф, а на стене висели пустые книжные полки. Стас подошел к окну и, повернув ручку балконной двери, оказался на небольшом открытом балконе. Воздух наполнил его легкие и освежающей струей ворвался в квартиру, выветривая неприятный запах.

Взгляд Стаса пробрался через стволы разноцветных дере-

вьев и наткнулся на белое пятиэтажное здание. Его территория была огорожена бетонным забором. Во дворе толпились шумные группы подростков.

«Школа что ли? – подумал, Стас. – Да уж, хорошенькое соседство, ничего не скажешь. Всегда под надзором, особенно зимой, когда листва опадет».

– Ма, я буду ходить в школу напротив? – просунув голову обратно в квартиру, крикнул Стас.

– Да, говорили, что она совсем рядом. Наверное, это она и есть, – ответила мать, выйдя на балкон и разглядывая светлый силуэт с темными окнами. – Беги за вещами, а то отец будет нервничать, ты же знаешь.

Стас еще раз глянул вниз. Отец и дядя Сережа продолжали оживленный разговор, непрерывно жестикулируя руками и прикуривая одну сигарету за другой. Сверху фигура отца теряла свой угрожающий масштаб. Отец словно почувствовал, что за ним наблюдают, и поднял вверх голову, встретившись взглядом с сыном. Стас тут же ретировался. Всунул ноги в еще теплые ботинки и, не завязывая их, слетел вниз по лестнице.

– За задержку новобранцу пятьдесят отжиманий и наряд по кухне вне очереди, – бросил отец. – Передай матери, чтобы чаю заварила да покрепче. И давай, с вещами быстрее заканчивай. Нам с дядей Сережей до магазина надо.

Стас отдал честь, как это было у них заведено, и нехотя поволок очередную порцию багажа. Окончив разгрузку, он

передал матери просьбу отца и скрылся в маленькой комнате, которую уже считал своей. Кинул под стол рюкзак и пододвинул к шкафу сумку с вещами и книгами. Не расстегивая пуговиц, через голову стянул рубашку и начал отжиматься.

– Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать. Все, больше не могу, – опустил на пол Стас и перевернулся на спину, пытаясь восстановить дыхание.

«Батя сказал бы, что я слабак. Не могу полтинник в раз осилить. В армии бы надо мной смеялись. А если я не хочу в армию? ПВО, десант, хм! Это не моя история!» – размышлял Стас.

Он вспомнил про свою заветную мечту стать переводчиком. Прокрутил напутственные слова Галины Викторовны и грустно улыбнулся.

«Блин, в понедельник в школу», – уныло подумал Стас, ощутив, как все сжимается внутри при мысли о встрече с новыми одноклассниками.

4

– Это наш новый ученик, Станислав Хромченко, – металлом резанул голос тощей, как гитарная струна, Елены Владимировны, учителя математики и классного руководителя 8б. – Прошу любить и жаловать.

Стас обвел робким взглядом класс. Порядка тридцати с лишним пар разноцветных глаз внимательно изучали его высокую худощавую фигуру, завернутую в темно—синие джинсы и серый свитер. В некоторых он читал интерес, другие же смотрели с презрением. От витавшего в атмосфере напряжения на лбу Стаса выступили капельки пота.

– Хромченко, займи свободное место, – отрывисто бросила она, глядя на Стаса маленькими колкими глазками. – Начнем урок.

Стас приметил свободное место рядом с кучерявым черноволосым парнем, лицо которого было перечеркнуто широкой угольной полосой бровей, слившихся в единую линию, и выглядело довольно—таки приветливо. Недолго думая, он направился прямо к его парте. Но сделав несколько шагов, он вдруг споткнулся об выставленную кем-то ногу и, потеряв равновесие, рухнул на пол. Класс взорвался диким хохотом.

– Эй, хромой, ходи с палочкой! – услышал Стас в свой адрес с галёрки.

– Так, что там такое? – оборвал всеобщий хохот резкий,

похожий на пистолетный выстрел, голос Елены Владимировны. – Хромченко, что случилось?

– Споткнулся, – ответил Стас, поднимаясь с пола и глядя на обидчика. Покачиваясь на стуле взад и вперед, скрестив на груди руки, на него с вызовом смотрел длинноволосый парень, с тоненькой полоской светлых пушистых усиков под носом.

– Слюнкин, твоих рук дело? – спросила классная.

– Почему как что, сразу Слюнкин? Вы у новенького спросите, Елена Владимировна. Между прочим, дела не всегда руками делаются, – вызвал он новую волну смеха.

– Хромченко, обо что ты споткнулся?

– Об... об ножку парты, – выдавил он.

Стас поднял свою сумку и продолжил путь, на сей раз, беспрепятственно добравшись до цели.

– Можно к тебе? – спросил Стас будущего соседа, сглатывавая подкативший к горлу ком.

– Приземляйся! – дал тот добро.

– Спасибо, лучше я присяду. Приземление не всегда бывает удачным, – угрюмо заметил Стас.

Сосед протянул руку и представился:

– Саша.

– Стас, – пожимая руку, ответил на приветствие Стас.

– Разговоры закончили. На перемене будете дружбу заводить, – прервала их Елена Владимировна. – Здесь не дом знакомств, а школа.

На уроке Стас старательно записывал формулы и вместе с отвечавшими у доски сражался в тетради с непокорными иксами, игреками и другими неизвестными.

«Надо поднажать на алгебру, – подумал он. – А то мы этого ещё не проходили».

Прозвенел звонок, и он вместе с новым товарищем вышел в коридор с подпиравшими потолок белыми квадратными колоннами и огромными окнами, где с криками сновали взад и вперед школьники.

Саша был со Стасом примерно одного роста, но более плотным, упитанным.

– Ты откуда к нам? – поинтересовался он.

– С севера. Отца перевели в Москву, – ответил Стас.

– А чем он занимается?

– Военный.

– Военный?! – воскликнул Саша. – Ух ты, мой тоже! Полковник связи. А твой, в каком звании и какие войска?

– Майор ПВО. Но в связи с переводом, по моим расчетам, скоро получит подполковника.

– Ясно, а мой в генштабе сидит. А как там, на севере?

– Классно! – вспыхнул Стас, вспомнив свой родной городок. – Сопки высоченные, болота непроходимые, озера. Леса без конца и края, полигоны, стрельбища. Вышел за КПП и полная свобода!

– Супер! Здесь тоже свобода, только она другая.

– Какая? – поинтересовался Стас.

– Понимаешь, в Москве столько народа, что никому ни до кого нет дела. Так что ты свободен.

– Не заметил что—то, – усмехнулся Стас, кивнув в сторону стоящего неподалеку Слюнкина.

– Ну, я же не имел в виду школу, – ответил Саша. – А ма-тушка твоя кем работает?

– Да, секретарем в компании, связанной с оборонкой.

В этот момент мимо них прошла шумная компания одноклассниц, среди которых взгляд Стаса выделил высокую, фигуристую, одетую в черную мини—юбку и розовую облегающую кофточку девушку. Длинные, медного оттенка волосы с осветленными концами сползали по ее плечам. Тонкие контуры лица были подчеркнуты косметикой. Она откинула назад густые волосы и, кокетливо прищурившись, взглянула на Стаса. Внутри у него что—то дрогнуло и на долю секунды сердце остановило привычный бег. Стас проводил ее взглядом и спросил приятеля:

– Кто это?

– И ты запал на Ленку Звездину! – похлопал Саша его по плечу. – Поздравляю! В полку воздыхателей прибыло. Весь класс в нее влюблен. Да что там класс, вся школа! Я, естественно, имею в виду мужское население, – констатировал Кеша. – Но...

– И ты тоже? – перебил его Стас.

Саша неоднозначно пожал плечами.

– Конечно, она красивая. Но, она... телка Киселя, – почти

шепотом ответил он.

– А кто такой Кисель? – поинтересовался Стас.

– Да тише ты, не ори так, – оглядываясь по сторонам, заткнул его Кеша. – Не советовал бы тебе с ним знакомиться. Он из 10б, держит в страхе всю школу и прилегающие окрестности. Со временем сам все узнаешь. Ты, кстати, где живешь?

– В доме напротив.

– Да ты че? В каком подъезде? – спросил Саша.

– В первом.

– Ясно. Наверное, на четвертом в двенадцатой. Вместо Кузнецовых, они недавно новую хату получили. А я во втором. Соседи!

Задребезжал звонок, оповещая о начале следующего урока.

– Пойдем, сейчас иностранный. Ты, кстати, какой язык учишь? – спросил Саша, подходя к находящейся по соседству с кабинетом математики двери.

– Английский, а ты?

– Франсе. Так что на некоторое время нам придется расстаться. Английский на этаж выше. Такой же кабинет, только на четвертом. Видел, куда Звезда почапала? Так что тебе за ней.

– Французский!?! – воскликнул Стас, пропустив мимо ушей Сашины инструкции.

– Ну да. А что это тебя так удивляет? – вопросительно

взглянул Саша в загоревшиеся глаза нового приятеля.

– Да так, ничего... – замялся он. – Просто у нас только один язык преподавали.

– Ладно, беги, а то опоздаешь. В нашей школе дисциплина занимает лидирующие позиции. Лишь потом, слегка прихрамывая, к ней подтягиваются знания, – закончил Саша.

Стас покинул просторный холл со светло—зелеными стенами и старым паркетным полом, до блеска отполированным мастикой. Поднялся этажом выше, вошел в кабинет и остановился в нерешительности. К счастью, в связи с разделением класса на две группы, было много незанятых мест. Он выбрал свободную парту почти в самом конце комнаты рядом с большим окном, из которого был виден его дом. Через несколько минут собрались все ученики. Последними вбежали несколько девочек, среди которых была Звездина. Она бросила сумку на первую парту и оглянулась.

– Кто сделал домашку? Дайте скорее скатать, – требовательно зазвучал ее голос.

Но в этот момент в класс вошла невысокая слегка полноватая учительница английского языка, одетая в темно синий костюм и белую блузку. Все встали.

– Гуд афтернун! Сит даун, плиз! – поприветствовала она ребят на английском с сильным русским акцентом.

– Ай эм сори, Надежда Алексеевна, мэй ай кам ин? – спросила опоздавшая девочка с длинными каштановыми волосами, просовываясь в дверь.

«А у этой ничего произношение», – отметил про себя Стас.

– Кам ин, Таня.

Таня прошла прямо к парте, за которой устроился Стас, и села рядом, окутав его облаком цветочного аромата.

– Привет, это мое место. Да ты сиди, – остановила Таня начавшего собирать свои вещи Стаса.

– Может, ты хочешь к окну пересесть? – спросил он ее.

– Нет, я сижу рядом с проходом, – прощелбетала она, глядя на него большими ультрамариновыми глазами.

Надежда Алексеевна села за свой стол, открыла журнал и провела переключку. Затем, обведя взглядом класс, спросила: – Кто хочет к доске?

Соседка Стаса подняла руку.

– Очень хорошо, Танечка. Ты у нас конечно активистка, но нужно и другим давать шанс, – улыбнулась она. – Например, Лене Звездиной. Прошу к доске, Леночка.

– А почему сразу я? – запротестовала Лена. – У нас в классе новенький, между прочим. Нужно же его протестировать?

– Хорошо, а тебя я спрошу на следующем уроке, когда ты будешь готова, – с юмором сказала Надежда Алексеевна, ставя точку в журнале напротив Лениной фамилии. Потом пробежала до конца списка и вызвала Стаса.

Разволновавшись, Стас поднялся со своего места, неуклюже зацепив ногой стул, и чуть не опрокинул его.

«Галина Викторовна говорила, что я хорошо знаю язык.

Интересно, мое северное хорошо равно Московскому? Не опозорюсь?» – успело мелькнуть в его голове, прежде чем Надежда Алексеевна задала свой первый вопрос.

Закончив, она сняла очки и вопросительно посмотрела на Стаса.

– Где вы учили язык, молодой человек? – поинтересовалась она.

– В военном городке в обычной школе, – смущенно пожимая плечами, ответил Стас.

– В обычной спецшколе? – переспросила Надежда Алексеевна.

– Нет, простая средняя школа.

– Так вот куда оказывается надо отправлять желающих изучать языки. И что же мне с тобой теперь делать? – пожимая плечами, спросила она сама себя.

После урока преподавательница английского попросила Стаса задержаться.

– Садись, Стас, – указала она на парту, стоящую перед ее столом. – Я хотела спросить, почему родители не устроили тебя в спецшколу?

– В спецшколу? – переспросил удивленный Стас. – В какую?

– Естественно я говорю про английскую. Ведь с твоим уровнем языка тебе нужно именно туда.

– Не знаю, – неуверенно ответил Стас. – Мы никогда не думали об этом.

– Странно... – проговорила Надежда Алексеевна. – Ведь твои способности лежат прямо на поверхности. Поговори с родителями.

Стас представил, как подходит к отцу и сообщает, что он должен учиться в английской спецшколе, а не в суворовском училище. Ясно увидел воображаемую картинку, как от гнева сжимаются его челюсти, и взгляд становится холодным и колким. Как он до хруста в суставах стискивает кулаки. На этом моменте Стас поежился и постарался поскорее избавиться от наваждения.

– Надежда Алексеевна, я, конечно, попробую поговорить с родителями. Но сомневаюсь, что они согласятся, – ответил Стас.

– Что ж, жаль, – потирая чуть покрасневшую от очков переносицу, сказала учительница английского. – В рамках программы средней школы тебе, увы, ничего нового не почерпнуть, – задумчиво постукивая ручкой по столу, добавила она.

И вдруг Стасу пришла в голову шальная мысль.

– Надежда Алексеевна, я... это... ну, немного знаю французский, – запинаясь и краснея, прервал молчание Стас. – И вот подумал, нельзя ли меня перевести во французскую группу.

Тонкие брови Надежды Алексеевны подскочили вверх, и она посмотрела на него округлившимися от удивления глазами.

– Ты еще и французский знаешь?

– Ну, немного. Но я буду заниматься и постараюсь догнать одноклассников! – заверил Надежду Алексеевну.

– Ну, в таком случае, я переговорю с завучем и преподавателем французского языка, – кладя на стол ручку, сказала Надежда Алексеевна. – Но английский все равно нужно продолжать изучать. Можешь идти.

– Спасибо большое, Надежда Алексеевна, – с прыгающим в груди от волнения сердцем, поблагодарил учительницу Стас и вышел в коридор, где его поджидал Саша.

– Чего так долго? Мучила тебя? – спросил он.

– Нет, наоборот, хвалила.

– Шутишь? – не поверил Саша.

– Не, правда. У меня на севере училка классная была. Переводчица бывшая. Она меня круто в английском понатаскала. Надежда Алексеевна говорит, что ничего нового я в школьной программе не найду.

– Хорош гнать! – не поверил Саша.

– Не веришь, не надо, – пожал плечами Стас.

– Ладно, шутник, пошли в столовку, пожрём чего—нибудь, – похлопал Саша по плечу нового знакомого.

Прятели спустились по лестнице на первый этаж и вошли в помещение столовой, где были заняты практически все столы, за которыми шумно беседовали и жевали школьники. Дождавшись своей очереди, они взяли по стакану компота и булке с изюмом. Заняв, освободившийся столик в уг-

ду с аппетитом накинулись на еду. Через несколько минут к ним с подносом в руках подошла Таня, с которой Стас сидел за одной партой на английском.

– Кеш, можно к вам? – спросила она.

– Милости просим, – выдвинул ногой свободный стул Кеша. – Танюх, у меня тут вопросик возник, поможешь?

– Смотря, что за вопрос, – сказала она, присаживаясь и ставя перед собой поднос.

– Свет мой зеркальце скажи, да всю правду Расскажи. Кто в нашем классе лучше всех английский знает, а? – косясь на Стаса, спросил Саша.

– Пока к нам Стас не пришел, считалось, что я. А теперь, конечно же, он, – кивая в сторону Стаса, ответила Таня.

– А—а—а... я думал, что это шутка, – с удивлением промямлил Кеша.

В это время послышался шум, и в столовую ввалилась компания старшеклассников. Среди них была и Лена Звездина. Она шла в обнимку с высоким, крепкого телосложения рыжеволосым парнем в расстегнутой до груди черной рубашке, из—под которой поблескивала толстая золотая цепь. Они набрали пирожных, бутербродов, пакетированного сока и направились к выходу. Стас внимательно проводил взглядом Лену и ее кавалера.

– Ладно, Танюх, приятного аппетита, мы пошли, – сказал Саша, поднимаясь с места.

Стас, дожевывая булку, последовал за ним.

– Видал? – кивнул Саша в сторону исчезающих за углом длинного коридора Лены и ее спутника. – Догадался, кто рядом с Ленкой?

– Кисель? Слушай, Сань, а почему тебя Таня назвала Кешей?

– Моя фамилия Кешкин. Вот и приклеился ник – Кеша. Если хочешь, можешь тоже меня так звать, – предложил он Стасу.

– А Кисель, потому что Киселев? – спросил Стас.

– Да, Шерлок Холмс, угадал. Пошли, скоро урок. И заруби себе на носу, как увидишь Киселя, сразу разворачивай копыта в противоположную сторону. Кстати, у тебя че за мобила?

– Да, раритет. От матушки достался, – показывая Кеше допотопную нокию, ответил Стас.

– Тем лучше. И никогда, пока ты в этой школе, не покупай другую, – уже шепотом добавил Кеша, входя в класс.

В пятницу на уроке английского Надежда Алексеевна попросила Стаса не уходить после занятий и подождать ее возле учительской. С последним звонком он попрощался с Кешей и поспешил на второй этаж. Дверь в учительскую оказалась не заперта. Стас слегка приоткрыл ее и заглянул в щелочку. Внутри было пусто. Он пересек холл и устроился на подоконнике прямо за широкой колонной. Чтобы не терять время даром достал учебник алгебры и открыл его на последней пройденной теме.

Прошло с четверть часа. Стас распрямил затекшую спину и подумал, что возможно он просто не заметил, как пришла Надежда Алексеевна. Да и его за этой колонной вряд ли могли обнаружить. Захлопнув учебник и убрав его в сумку, он спрыгнул с подоконника и снова подошел к учительской. Потянул на себя дверь. Никого. Стас просунул голову и заметил в глубине еще одну дверь. Он подошел к ней и неуверенно постучал. Не получив ответа, приоткрыл дверь и заглянул внутрь.

Посередине большой комнаты, стоял длинный серый стол с приставленными к нему черными стульями, на которых лежали сумки учителей. В углу стояли вешала, облепленные мужскими куртками и женскими пальто. К противоположной стене прислонились шкафы и стеллажи, сплошь завален-

ные книгами и классными журналами. В комнате витал запах духов. Стас повернулся, чтобы выйти, и в дверях столкнулся с Надеждой Алексеевной и высокого роста женщиной лет тридцати.

– Стас, что ты здесь делаешь? – удивилась Надежда Алексеевна застав Стаса в учительской.

– Я? – смущенно переспросил тот. – Я ждал в коридоре, а потом решил заглянуть. Подумал, может, не заметил, как вы пришли.

– Ясно. Познакомься, это Екатерина Михайловна, учитель французского языка. Она протестирует твои знания. Садись, – освобождая от сумок стулья, сказала Надежда Алексеевна.

Стас сел напротив Екатерины Михайловны, которая дружелюбно смотрела на него большими серыми глазами. Она пригладила рукой непослушный черный локон, упавший на лицо и сказала, слегка картавя и растягивая гласные: – Ну что ж, приступим.

Стас напряженно вслушивался в вопросы Екатерины Михайловны, но с трудом схватывал смысл. Отвечал с запинкой, коверкая слова и путая времена. С письменными заданиями оказалось значительно проще. Почти все ответы были верными.

– Ничего не понимаю, – в замешательстве пропела Екатерина Михайловна, снова удивив Стаса своей манерой произносить на французский лад р. – Создается впечатление, что

ты никогда не говорил на этом языке.

– Совсем немного, – ответил Стас.

– А по каким учебникам ты занимался?

– Попова—Казакова.

– Хороший учебник. У тебя есть лингафонный курс к нему? – как будто что—то поняв, улыбнулась Екатерина Михайловна.

– Нет, – мотнул он головой.

– Тогда все ясно. Почему же ты его до сих пор не купил или не скачал в интернете?

– Я и не знал, что есть лингафонный курс.

– Как не знал? На учебнике написано, что к нему прилагается диск с диалогами и тестами.

– Нет, на моем такого нет. Он очень старый. Да и там, где я жил, не было интернета.

– Вот как? Первый раз слышу, что где—то еще нет интернета. Мне казалось, что он уже давно инфицировал весь мир, а оказывается, нет. Итак, что мы имеем? С грамматикой у тебя не так уж и плохо. А произношение... над произношением нужно серьезно поработать. В понедельник жду тебя на своем уроке, попробуем, – задумчиво сказала Екатерина Михайловна.

Стас просиял и возбужденно вскочил с места.

– Спасибо, Екатерина Михайловна! И вам, Надежда Алексеевна!

– Пока не за что. До понедельника.

– До свидания! – попрощался Стас, закрывая за собой дверь.

Оказавшись в коридоре, он со всех ног бросился в пустую раздевалку и, схватив свою одиноко висевшую куртку, помчался к Кеше. Стас несколько раз настойчиво нажал кнопку звонка, прежде чем услышал медленные шаги и дверь приоткрылась.

– А... ты. Заходи, – бросил Кеша и быстро скрылся в своей комнате.

Стас захлопнул за собой входную дверь, скинул ботинки и нацепил на крючок ветровку. Затем, пройдя по узкому коридорчику мимо туалета и ванны, зашел в комнату товарища. Тот что—то поспешно убирал со стола и рассовывал по ящикам.

– Слушай, Сань, у тебя есть интернет? – от нетерпения переминаясь с ноги на ногу, спросил Стас.

– Ясен пень есть, что за вопрос! Ты мне лучше скажи, у кого его нет? И у тебя он должен быть, – ответил Кеша, не поднимая головы.

– Возможно. Но мы только приехали, еще до конца не разобрались, что к чему. Слушай, можно я кое—что скачаю? – обратился он к другу.

– Без базара! – закрыл ящик потертого лакированного стола из темного дерева Кеша и шевельнул мышку, выводя компьютер из спящего режима. – Чего качаем?

– Попова—Казакова, лингафонный курс.

– Попова—Казакова, – ввел в строку поиска трекера Кеша. – А на фига тебе французский? Ты же у нас англичанин.

– Ты качай, качай. Сейчас все объясню, – поторопил друга Стас.

Кеша пожал плечами и нажал виртуальную кнопку «скачать».

– Готово, – через несколько секунд сказал он. – Давай флешку, скину.

– У меня того, нет флешки, – ответил Стас.

– А как ты данные переносить собираешься. В кармане что ли? – ухмыльнувшись, поинтересовался Кеша.

– Можно на диск записать. Подожди, я сгоняю домой, кажется, где—то были чистые.

– Сидишники – прошлый век. Слишком громоздко. Но у меня кажись, завалилось несколько чистых болванок, расслабься, – открывая верхний ящик стола и доставая диск в бумажном пакетике, усмехнулся Кеша. – У тебя вообще как с компьютерной грамотностью?

– Ну, как? Нормально. Печатаю, таблицы составляю, сканером пользуюсь.

– А в инете как себя чувствуешь?

– В интернете, ты имел в виду?

– В нем, в нем родном, – ухмыльнулся Кеша.

– Да ты знаешь, в нашем городке и связи—то мобильной толком не было. Чтобы позвонить, нужно было, чуть ли не с помощью альпинистского снаряжения вскарабкаться

на сопку, встать на определенное место. Короче, экстрим сплошной. Плюс у нас там какая—то особо секретная станция в лесу стояла, может еще и поэтому мы сидели без связи с миром. Пользовались внутренней. А про интернет больше понаслышке знали.

– Да ладно?! – воскликнул Кеша. – Не может быть!

Стас пожал в ответ плечами.

– Хотя, согласен, у вояк своя картина мира. Они и всю страну от интернета враз отрубят, если их особая чутка подскажет, что извне нависла кибер угроза. Значит, что касается компьютера, ты полный ламер! Держи, – кинул он на стол толстенную книгу со звучным названием «Компьютер для чайников». – Пользуйся, потом вернешь. И надо тебе зарегистрироваться на трекере, завести почту, аккаунты на «Фейсбуке» и «В контакте». Будем общаться.

– Да мы ж в соседних подъездах живем, – удивился Стас. Зачем нам через сеть общаться?

– Зачем? А затем, что там намного круче. В реальном мире мы в основном помалкиваем, боясь высказать свое мнение. А когда мы проникаем в сеть, мы становимся хищными, коварными, смелыми, свободными, ядовитым пауками, способными на все. Один укус, и яд мгновенно уничтожит увязнувшую жертву. И все безнаказанно, потому что там, в паутине тебя никто не знает, и у тебя нет прошлого, ты сам решаешь, кто ты. Сам выбираешь себе имя и наделяешь себя силой и сверхспособностями, каких никогда, ни при каких

обстоятельствах и ни за какие деньги не получишь в этом мире. А на хрена тебе все—таки французский? А?

– С понедельника перехожу к вам во французскую группу! – возбужденно воскликнул Стас.

– А ты того, парле—ту франсе что ли?

– Ан пу.

– Полиглот, значит. Ну—ну. Держи, диск готов.

– Спасибо, Кеш! Я побежал, до понедельника.

– Гулять не пойдешь в выходные? – спросил Саша.

– В эти нет, нужно французский подтянуть и вещи доразобрать, – ответил Стас.

– Понял, пока, зубрила! – провожая друга, пошутил Кеша.

Стас хлопнул входной дверью и вышел на улицу. Яркое солнце заставило его зажмуриться. Он сжал правую руку в кулак и громко сказал самому себе: – Йес!

«Неужели Галина Викторовна была права? Что мечта самый мощный двигатель? – подумал Стас. – Стоит чего—нибудь очень захотеть и жизнь принесет все на блюдечке с голубой каемочкой? Но с другой стороны, люди о многом мечтают и далеко не все имеют то, что хотят. Есть, наверное, еще какой—то секретик. Типа, учиться и работать много надо. Или как—то по—другому? Да ладно, пока полет нормальный, чего об этом думать», – махнул он рукой и пошел домой.

Как в выходные Стас не мучил свое французское произношение, в понедельник он схватил тройку. Екатерина Михайловна, несмотря на внешнее добродушие, была чрезвычайно требовательной к своему предмету и никому не делала поблажек.

«Могла бы и не ставить тройку в первый же день, – расстроился Стас, глядя на красную, аккуратно выведенную в дневнике тройку. – Тем более я не так плохо и ответил. Посмешил, конечно, народ своим корявым произношением. Ну и что с того? Ладно, получил, что получил. Вот только ба-тя не очень обрадуется и тройке и самому французскому», – заключил Стас.

И действительно, он давно заприметил за отцом одну маленькую, едва заметную черту. Он почему—то недолюбливал французский, хотя сам к нему не имел никакого отношения. Даже как—то порывался выкинуть учебник, который Стасу чудом удалось спасти и теперь приходилось прятать от него. Все его попытки разгадать тайну ненависти к французскому остались за пределом его понимания.

Одновременно с прогремевшим звонком Стас покидал в сумку учебники и вместе с Кешей вышел из класса, влившись в бурное школьное течение.

– Чего такой угрюмый? – вывел из размышлений сникнув-

шего Стаса Кешин голос. — Троек что ли никогда не видел? Нормальная оценка. Удовлетворительно. Считай, ты удовлетворил Катю! — засмеялся он. — Не пара же? Хотя она такая, может и двойку влепить, если не подготовишься. Катя хорошая баба, но только мальчика того, — покрутил Кеша пальцем у виска, — без ума от Франции и считает свой предмет основным в длинном школьном списке.

— Хотелось хотя бы четверку, — ответил Стас. — Отца троек точно не удовлетворит. Как он говорит, минимум четверка.

— Ты же зубрила, настоящий заповедный зубр! Исправись, не парься. Пошли на улицу, воздухом подышим пока погода хорошая, — указал Кеша в сторону окна, через которое вливался густой солнечный свет.

— Ты иди, я догоню, — кивнул Стас на туалетную дверь.

— Окей, жду на улице.

Кеша сел на перила и, поймав равновесие, покатился вниз. Стас проводил его взглядом, затем резко развернулся и чуть не налетел на как из—под земли выросшую Лену Звездину.

«Откуда она тут взялась? — мелькнуло в голове у Стаса. — Почему я не услышал, как она подошла? Такие каблучки за километр слышать».

Та отшатнулась от него и как—то неестественно припала на колено. Стас в растерянности застыл.

— Ну что стоишь как дерево? Помоги встать! — простонала она.

Стас бросился на помощь.

– Идти можешь? – спросил он Лену, помогая той подняться.

Она наступила на ногу и тут же вскрикнула от боли.

– Ой, не могу, больно! – с трудом приподнимаясь с пола и беря Стаса под руку, ответила Лена. – Придется тебе на время стать моим спасителем и проводить до дома. А чего ты сегодня инглиш задвинул?

– Меня во французскую группу перевели, – разволновавшись от того, что к нему проявляет внимание девушка, да не простая, а первая школьная красавица, ответил Стас.

– Как?! Ты и французский знаешь? – удивленно вскинув брови и округлив большие карие глаза, воскликнула Лена.

– Да не то чтобы очень.

– Где ты говоришь, учился? Что—то я не слыхала, чтобы в простой школе, да и еще в каком—то захолустье, изучали два языка, – вопросительно посмотрела она на Стаса.

– Ну... французский я учил самостоятельно, – сконфузившись, ответил он.

– А—а—а! – пропела Лена елейным голоском. – Мы умники, значит... так откуда ты к нам приехал?

– С севера.

– Из какого города? Мурманска или Норильска? – блеснула Звезда географическими познаниями.

– Нет. У нашего населенного пункта даже названия не было. Он и на карту—то не нанесен.

– Это еще почему? – удивилась она, медленно спускаясь

по ступенькам.

– Потому что там закрытый военный городок, в котором стоит часть ПВО.

– А что это такое?

– Противовоздушная оборона, – объяснил Стас.

– М—м—м! – протянула Лена. – Теперь ясно. Это типа оберегают воздушное пространство нашей Родины! Так говорят же, что наши ракеты давно уже заржавели и им место на свалке.

– Кто говорит? – не понял Стас.

– Да все говорят.

– А поконкретней?

– Америка.

– Это они, оттого что боятся, так говорят. Нормальные у нас ракеты, самые лучшие, самые крылатые. И летают что надо. Я сам видел. У нас часто учения проходили. Что не залп, стопроцентное попадание в цель.

– А у тебя девушка там была? – хитро посматривая на Стаса, спросила Лена.

Он покраснел и начал пристально разглядывать мысы своих запыленных ботинок.

– Да ладно, не хочешь, не отвечай, – усмехнулась она, останавливаясь рядом с окном. – Помоги забраться на подоконник. Я посижу здесь, передохну немного. А ты сбегай в раздевалку, возьми куртки. Мою сразу узнаешь. Она самая классная, с красно—коричневым орнаментом.

Скоро Стас принес куртки и помог Лене одеться. Застегнувшись, она снова взяла его под руку, и они вышли на улицу. Школьники разбрелись по широкому, залитому солнечным светом двору и, разбившись на группы, что—то оживленно обсуждали. Между ними с метлой в руках снова фигура школьного дворника, бывшего пьяницы, а ныне церковного прихожанина дяди Коли. Он то и дело замахивался на какого—нибудь нерадивого мусорившего парнишку и, закатывая глаза к небу, призывал на него кару небесную. Стас огляделся, но Кеши нигде не было. Солнце позабыло о том, что осень в самом разгаре и припекало совсем по—летнему. Стас расстегнул молнию на куртке, и они с Леной двинулись к выходу.

За углом школы Стас заметил группу старшеклассников, пускающих клубы густого табачного дыма. Увидев их, Лена приосанилась, стала меньше хромать и вплотную прильнула к Стасу. На короткое мгновение парни с дымящимися сигаретами застыли, глядя в их сторону. Потом кто—то из ребят достал телефон и направил на шествующую мимо парочку камеру. Остальные загоготали. Миновав школьный двор, Лена отпустила руку Стаса.

– Уф, кажется, дальше я сама справлюсь. Пока! – повернувшись к кавалеру спиной и послав ему воздушный поцелуй, бросила на прощанье Лена.

Ничего не понявший Стас успел лишь смущенно кивнуть внезапно исцелившейся девушке. Он взглядом прово-

дил красавицу Лену до ближайшего поворота. Затем вернулся на школьный двор, где не без труда отыскал Кешу, размахивающего руками и что—то отчаянно доказывающего стоявшему рядом с ним Леше Ступову, высокому сутуловатому пареньку из их класса.

– Ты где был? – спросил Кеша. – Я тебя жду, жду...

– Лену провожал, – смутившись, ответил Стас.

– Какую Лену? – не понял Кеша.

– Какую, какую? Звездину.

– У—у—у... – протянул Саша. – И далеко ты ее проводил?

– Да нет, вон до туда, – махнул рукой Стас в сторону, откуда только что вернулся. – Она ногу подвернула. Ну и попросила меня помочь. Потом ей лучше стало. Сказала, что сама доберется.

– Сама, значит? – не то спросил, не то ответил друг.

– Ну да, а что?

– Да так, ничего... держись от нее подальше.

– Почему? – спросил Стас.

– Ты совсем имбецил или притворяешься? Напомнить, чья она телка?

На следующий день во время перемены к Стасу подошел невысокий, почти наголо обритый парень, из—под футболки которого выпирали крепкие бицепсы. Стасу показалось, что он видел его вчера среди ребят, кутивших за школой.

– Пойдем, с тобой поговорить хотят, – грубо сказал он.

– Кто? – спросил Стас.

– Много будешь знать, скоро состаришься, – крепко хватая Стаса за руку, ответил тот.

Стас попытался высвободиться, но бритоголовый лишь сильнее сжал его руку.

– Не рыпайся, хуже будет, – сквозь зубы процедил он.

Они дошли до туалета, перед которым кучковалась группа старшеклассников. Провожатый открыл дверь и втолкнул Стаса внутрь.

– Здорово! – услышал Стас низкий хриловатый голос откуда—то из глубины помещения.

Он вздрогнул и испуганно посмотрел в сторону, откуда доносился голос. В нескольких шагах от него скрестив на груди руки, стоял взлохмаченный рыжеволосый верзила в расстегнутой чуть ли не до пупа рубашке с закатанными по локоть рукавами. Стас непроизвольно сделал шаг назад, увидев перед собой Киселя.

– Стоять! – бросил тот.

Засунув руки в карманы рваных джинсов, он начал медленно приближаться, склонив голову набок и оценивающе разглядывая Стаса черными, как потухшие угли, глазами. Его лицо было перекошено ассиметричной ухмылкой, которая обнажила желтоватые зубы с большой щербинкой посередине. Из—под рубашки золотом сверкнула цепь.

– Чего молчишь, когда с тобой старшие здороваются? Нюх потерял? – угрожающе спросил Кисель, хрустнув костяшками пальцев и поведя в сторону перебитым носом.

– П—п—привет, – запинаясь, ответил Стас.

– А че так, привет? Мы кенты что ли? – кладя руку на плечо Стаса и сдавливая ему шею, спросил нависший над ним Кисель, который оказался чуть ли не на голову выше и раза в два шире в плечах.

– Нет, не кенты.

– Ты че, совсем гнатый? Я ему дружбу предлагаю, а он отказывается. Ладно, расслабься, Хромой. Шучу, – загоготал он, и в этот момент резко ударил Стаса под дых.

Стас сложился пополам и попятился к приоткрытому окну.

– Ты че, попутал? С моей девушкой гуляешь?

– Я... я не гулял, – тяжело дыша и хватаясь руками за живот, выдавил из себя Стас.

– Значит, это был не ты? Извини, обознался, – нанося удар в лицо, ехидно усмехнулся Кисель.

Затем хотел схватить Стаса за волосы, но рука лишь

скользнула по коротко остриженной голове. Стас отшатнулся в сторону и закрыл лицо руками, пытаясь спасти его от очередного удара.

– А вот Ленка говорит, что ты ее достал своими приставами. Мне кому верить, ей или тебе? Че? Не слышу... правильно, ей! – сбивая Стаса с ног, прорычал он. – Да и на фотках хорошо видна твоя морда.

– На каких фотках? – простонал Стас, приподнимаясь с холодного кафельного пола. – Она ногу подвернула! Я просто помогал ей! – попытался оправдываться он.

– Че? Я не расслышал, повтори—ка. Ты хочешь сказать, что Звезда мне врет? Оскорбляешь, сука! – хватая Стаса за грудки, заорал Кисель.

– Шухер! – крикнул кто—то в приоткрывшуюся дверь.

– Позже договорим, Хромой, – плюнув в лицо Стаса и оттолкнув его от себя, сказал напоследок Кисель и выскочил из туалета.

Стас, держась одной рукой за живот, а другой вытирая кровоточащий нос, подошел к раковине и открыл воду. В этот момент на пороге появилась квадратная фигура учителя по технологии в синем рабочем халате.

– Ты чего тут? – подозрительно смотря на стоящего к нему спиной Стаса, спросил он.

Стас стиснул зубы, пытаясь сдержать наворачивающиеся слезы, и покачал головой. Александр Сергеевич подошел ближе и, взяв его за руку, развернул к себе.

– Кто? – спросил он, сочувственно глядя на распухшее лицо Стаса.

– Никто, – выдавил из себя Стас вместе со слезами.

– Ну ладно, ладно, успокойся. Не пристало нам мужикам реветь. Давай—ка, умывайся, и пойдем, – сказал он, поднимая с пола сумку Стаса.

Они вышли из туалета. В коридорах было пусто и тихо, лишь эхо собственных шагов гулко и неотступно бежало вслед за ними. Через закрытые двери доносилась монотонная речь учителей и вялые, запинаящиеся голоса отвечающих. Джузеппе, так за глаза пацаны называли преподавателя по технологии за его любовь к столярному делу и блестящую лысину с небольшой прядкой длинных волос на затылке, отвел Стаса в свою каморку. Усадил его на самодельный деревянный табурет, который стоял возле грубого массивного стола работы, по—видимому, того же мастера. Поставил перед Стасом глубокую чашку, куда из термоса плеснул сладкого чая.

– На—ка, хлебни кипяточка, сынок, успокойся.

Стас сделал несколько глотков крепкого, похожего на чифирь черного чая. Напиток обжег горло. Через несколько секунд тепло разлилось по всему телу, и Стас почувствовал себя чуточку бодрее.

– Ничего, пройдет. Среди пацанов всякое бывает. Чего не поделили? – спросил Александр Сергеевич.

Стас покачал головой, отведя взгляд в сторону.

– Не хочешь выглядеть в глазах приятелей предателем? – посмотрел на него Джузеппе и задумался. – Ну и правильно. В наше время стукачей тоже не жаловали. Мужики должны сами решать свои вопросы. Ладно, беги домой. Если спросят, скажешь, что я отпустил.

Оказавшись дома, Стас первым делом залез в душ и встал под обжигающую ледяную струю. Когда тело онемело от холода, он закрыл кран и закутался в толстое махровое полотенце. Холодная вода немного сняла напряжение и притупила боль. Выйдя из ванны, он оделся и схватил первую попавшуюся под руку книгу. Затем растянулся на кровати, погружившись в чтение. Вместе с Ремарком и его героями, жившими на страницах старого томика, он перенес все тяготы и лишения военного времени. Потерял друзей, но сам выжил. Захлопнув книгу, Стас глубоко вздохнул и подумал, что по сравнению с пережитым героями произведения, его ситуация не такая уж и страшная.

Резкий телефонный звонок разорвал тишину, заставив его вздрогнуть.

– Але?

– Ты куда делся? – услышал он в динамике Кешин голос. – Че с уроков дернул? Сказал бы, вместе бы задвинули.

– Да, так...

– Ща заскочу, – сказал Кеша и бросил трубку.

– Я... – хотел что—то ответить Стас, но короткие назойливые гудки остановили его.

Через несколько минут Кеша уже трезвонил в дверь.

– Не понял? – увидев разукрашенное лицо Стаса, воскликнул Кеша. – Кто?

– Упал, – ответил Стас.

– Ты меня че, за лоха держишь? Колись. Кисель? Конечно, он, больше не кому. Эх, Стасик, Стасик, ты бы прежде чем что—то делать, советовался с умными людьми.

– Это ты про себя что ли? – спросил Стас.

– А то про кого же? Звезда с Киселем одного поля ягоды. Раньше я думал, у нее что—то наподобие мозгов есть, в отличие от ее дружка. А теперь... эх, препарировать бы, чтобы поточнее выяснить.

– А Кисель совсем безмозглый по—твоему?

– Кисель? Хм. Кисель в нашей школе с прошлого года, и сразу же успел зарекомендовать себя. Не с лучшей стороны, как ты, наверное, догадываешься. Его выгнали из спортивного интерната.

– Он спортсмен? – удивился Стас.

– Теперь уже бывший.

– А чем занимался?

– Борьбой, кажется, – ответил Кеша. – В интернате связался с компашкой пацанов постарше. Говорят, они там в какую—то темную историю вляпались, за что их и поперли.

– Да уж, ценный экземплярчик, – заключил Стас. – А Лена с виду приличная девчонка, чего она с ним путается?

– Ага, приличная до неприличия. Причем ее не поймешь.

В лицо райской птичкой поет, а за глаза говном поливает и козни строит. Поживешь, увидишь. Короче, теперь ни одного необдуманного шага без моего совета. Усек?

– Так точно, товарищ главный советник! – усмехнулся Стас.

– А где он тебя отделал? – спросил Кеша.

– Где—где? В сортире.

– Да уж, лучше места не придумаешь. Кто—нибудь видел?

– Нет, конечно. Его дружки на стреме стояли. Когда Джузеппе зашел, никого уже не было.

– Ты его вложил?

– Ты за кого меня принимаешь? – обиделся Стас.

– Ну ладно, – вставая с дивана, сказал Кеша. – Прорвемся. Мне пора. В аптеку нужно сгонять. Может вместе?

– Не, Сань, не сегодня. Репа раскалывается. Да и куда с такой рожей разгуливать. Я полежу лучше.

– А ты цитрамончика накати пару таблеточек, и через полчаса будешь как новенький.

– А, – махнул рукой Стас. – Не знаю, где аптечка лежит. Еще не все вещи разобрали.

– Не вопрос, через пятнадцать минут принесу, – пообещал Кеша, скрываясь за входной дверью.

Стас вернулся в свою комнату и, усевшись на диван, бессмысленно уставился в стену. Вскоре вернулся запыхавшийся Кеша и вытащил из кармана пачку с лекарством.

– Спасибо, Кеш, – сказал Стас, протягивая руку за таблет-

ками.

– Ты чего, через порог нельзя, встань на коврик, – вытащил он друга из квартиры и отдал лекарство. Две штуки и запей стаканом воды. У меня дела. До завтра, – пожал он руку Стасу и покатился вниз по отполированным временем деревянным перилам.

Стас выдавил две таблетки и, запив их водой, прилег на диван. Натянул на себя шерстяной плед и задремал.

– Стас, – потеревила мать за плечо сына. – Просыпайся.

– Сколько время, ма? – спросил он, продирая глаза.

– Полседьмого. А что с твоим лицом, сынок? – встревожено спросила она.

– А что с ним?

– Стас, что случилось?

– А, ты про это? Ерунда, – отмахнулся он и повернулся к стенке.

– Прекрати ерничать, кто тебя так разукрасил?

– Ма! Я же говорю, ничего серьезного.

– Хватит! – раздраженно прикрикнула на него мать. – С отцом будешь иметь дело.

– Чуть что, сразу отец, – пробурчал Стас вдогонку матери, раздраженно хлопнувшей дверью.

«Половина седьмого! Скоро батя вернется, – пробормотал Стас, усаживаясь за письменный стол и открывая учебник французского. – Что я ему скажу? Синяки—то ладно, как—нибудь объясню. А вот трояк... да и еще по французскому.

Он даже не в курсе, что я его изучаю».

Услышав в коридоре шаги вернувшегося с работы отца, Стас быстро захлопнул учебник французского и спрятал его в ящик стола, разложив перед собой алгебру. Он вслушивался в каждый шорох, каждое движение отца, пытаясь уловить, в каком тот настроении. Шумно ударила струя воды в раковину. Вот, пофыркивая, он вытирает лицо горячим полотенцем, снятым с раскаленной батареи и идет в кухню.

Стас вылез из—за письменного стола и перед едой зашел в ванну вымыть руки. Он посмотрел в зеркало, откуда на него глянуло лицо, с синяком под левым глазом, припухшей нижней губой и немного похожим на орлиный клюв носом. Умыв и вытерев лицо, Стас собрался с духом и вошел в кухню.

– Привет, пап, – поздоровался Стас с сидящим за столом отцом, которому мать подкладывала маринованных грибов.

Тот изучающе посмотрел на сына и небрежно кивнул головой в ответ, прожевывая кусок свиной отбивной. Стас занял свое место и, опустив глаза в тарелку, быстро заработал вилкой. Наконец отец отодвинул от себя пустую тарелку и вытер рот полотенцем.

– Как успехи в школе? – холодно поинтересовался он.

– Нормально, – не осмеливаясь посмотреть ему в глаза, тихо ответил Стас.

– Это я вижу на твоем лице. А почему не отлично? Чего—то не хватает? Или наоборот, что—то мешает? – спро-

сил отец.

– Пап, да это так пустяки, – пытаюсь побороть волнение, ответил Стас.

Отец ударил кулаком по столу.

– Пустяки? – рявкнул он. – Ты хочешь сказать, когда пацан не может за себя постоять это пустяки? Я в твои годы никому спуска не давал! Салага! – презрительно измерил Стаса взглядом отец. – Так... нужно усилить физическую подготовку.

Мать вскочила с места и быстро вышла из кухни, чтобы не вмешиваться в мужской разговор.

Из—за закрытой двери доносился надрывный голос отца, отчитывающий сына и рисующий страшные картины ближайшего будущего, если тот не будет следовать его житейской мудрости. Когда нравоучительная часть подошла к концу, Стас убрал со стола и хотел выйти с кухни.

– Подожди, – остановил его отец охрипшим голосом. – Подготовь мою парадную форму к завтрашнему дню. А потом марш за уроки, – скомандовал он. – И мусор вынеси. Ясно?

Стас кивнул головой, сделал кругом и вышел из кухни.

«Блин, опять эта казарма. Сделай то, сделай это, пятьдесят отжиманий, сто приседаний. Я же не прошу за меня в школу ходить или уроки делать. – Размышлял Стас, приводя в порядок отцовскую форму. – Понятно, есть обязанности. Ну, мусор вынести, в магазин сходить, убрать. Но с ка-

кой радости чистить форму и отжиматься именно пятьдесят раз? А если я могу всего пятнадцать? Я же не солдат, а сын! Не, не хочу я быть военным. Как же мне до него донести, что я хочу заниматься совершенно другим. Он же сам себе профессию выбрал. А если мне это не интересно? – возмутился Стас. – Даже если запихнет в суворовское, я все равно не прекращу заниматься языками».

Когда все было готово, он примерил отцовскую фуражку и, взглянув на себя в зеркало, показал отражению кукиш.

8

Ровно в шесть запел будильник. Стас как по команде вскочил и, нащупав рукой кнопку, отключил сигнал. Затем уселся на диване и минут пять тер глаза, пытаясь проснуться. Наконец он поднялся, широко зевнул и потянулся. Выключил горевший всю ночь светильник и, распахнув шторы, приоткрыл балконную дверь. Сделав несколько глотков бодрящего утреннего воздуха, он натянул шорты с футболкой и уселся за рабочий стол. Включил плеер и, беззвучно шевеля губами, начал повторять за диктором французские диалоги.

Когда на циферблате было семь тридцать, он сложил в сумку тетрадки с учебниками, принял душ и исчез на кухне, плотно притворив за собой дверь. Сварил яйца всмятку себе и родителям, заварил чай, нарезал бутерброды с маслом и сыром. Отцу залил кипятком растворимый кофе в большой синей чашке и накрыл ее блюдцем.

К тому времени, когда Стас заканчивал завтрак, появились родители. Отец снял блюдце с чашки и с удовольствием втянул в себя кофейный аромат. Открыл форточку и прикурил сигарету, выпустив длинную струю табачного дыма. Стас быстро дожевал бутерброд и, убрав за собой посуду, пошел одеваться. Через несколько минут он выскочил на лестницу и, облегченно вздохнув, побежал вниз по ступенькам.

– Стас! – услышал он свое имя, едва выйдя из подъезда.

От неожиданности он вздрогнул и увидел перед собой Кешу.

– Здорово, ну ты как, чувак? Родичи—то чего сказали, когда увидели твой визаж? – обведя указательным пальцем вокруг своего лица, спросил Кеша.

– Да... – махнул рукой Стас, медленно двигаясь по мощенной тротуарной плиткой дорожке в сторону школы. – Чего они скажут?

В этот момент Стас ощутил сильный толчок в спину, чуть не сваливший его с ног. Он отскочил в сторону и обернулся. На него, криво ухмыляясь, глазели несколько одноклассников, среди которых был Слюнкин. Они вытянули вперед сжатые в кулаки правые руки, оттопырив вверх большие пальцы.

– Ну чего, Хромой, угадаешь, кто из нас погладил тебя по спинке? Или продолжим игру? – спросил Слюнкин.

У Стаса от обиды навернулись слезы, которые он с трудом сдерживал. Андрей тем временем подошел к Кеше и пожал ему руку. Затем заглянул в лицо Стаса и удивленно воскликнул:

– Ба, Хромой, где такие стильные очки достал? Уж не Звезда ли подогнала? Круто, с синими стеклами! – заржал он, заметив синяк под глазом у Стаса, и протянул ему руку. – Хромой, да ты че? Не знаешь, как пацаны здороваются что ли? Ты думал я тебе как даме поцелую кончики пальцев? – заламывая Стасу кисть, продолжал издеваться Слюн-

кин.

– Отпусти, – тихо попросил Стас.

– А где волшебное слово? Тебя че, предки не учили, что нужно быть вежливым?

– Андрюх, кончай, – сказал Кеша Слюнкину, толкнув его в плечо.

– Да я и не начинал еще. Просто прошу чувака быть по-уважительней. Так что, Хромой?

– Отпусти... пожалуйста, – выдавил Стас.

– Так то! – бросая руку Стаса, довольным тоном произнес Слюнкин, возвращаясь к поджидавшим его рядом друзьям. – О—о—о!!! А вот и наша любовь шлепает! – пропел Андрей, манерно кланяясь поднимавшейся по ступенькам Лене Звездиной. – Хромой, что же ты стоишь как столб? Встречай скорей утреннюю звезду!

– Проводишь? – обворожительно улыбаясь, спросила Лена, вплотную подходя к Стасу.

Он молча посмотрел в ее темные глаза.

«И чего ты ведешь себя как дура? Я ведь тебе слова плохого не сказал», – подумал Стас и, отвернувшись в сторону, отошел от Звездиной.

– Ладно, пошли, – хлопнув Стаса по плечу, сказал Кеша и потянул друга в раздевалку. – А на Слюну внимания не обращай. У него бывают заскоки, в детство впадает.

Войдя в кабинет, Стас поймал на себе пристальные взгляды одноклассников. По некоторым лицам скользнула ехид-

ная усмешка при виде его разукрашенного лица. Он занял свое место, стараясь не обращать внимания на колкие выпады в свой адрес. Раздался звонок и вместе с ним появилась Елена Владимировна. Поздоровавшись с классом она заняла свое место за учительским столом и открыла журнал.

– Хромченко, к доске, – расстроенной стальной струной задребезжал ее голос.

Стас поднялся и вышел к доске. Он долго выводил решение сложного уравнения. За спиной слышалось шушуканье и смешки одноклассников. Иногда Стас улавливал приклеившуюся к нему кличку Хромой. В конце концов, он справился с задачей.

– Садись, Хромченко, четыре.

– А почему четыре? – возмущенно спросил Стас. – Я же правильно решил.

– Долго думал, иди на место.

– Хромой скорей, тугодум! – услышал Стас в свой адрес.

Сделав несколько шагов, он был остановлен голосом классной.

– Так, Хромченко, и после урока задержись.

До скрежета сжав зубы, он сел за свою парту.

– Да ладно тебе, не парься, – попытался поддержать друга Кеша. – Чего тебе эта пятерка сдалась? Тем более, она ставит их только любимчикам, и паинькам. Забей. Интересно, чего она от тебя хочет? Какого фига после урока просит остаться?

– Не знаю, – шепнул Стас и пожал плечами.

Когда прозвенел звонок и все вышли из класса, Стас подошел к столу Елены Владимировны. Та не спеша закончила что—то записывать в журнал, и посмотрела на Стаса.

– Хромченко, что у тебя с лицом? Чья работа?

– Я упал, – ответил Стас, отведя взгляд в сторону.

– Это я сразу поняла по твоему лицу, – ехидно усмехнулась она. – Мне нужно знать с чьей помощью. Говори.

– Да я просто споткнулся, Елена Владимировна.

– Не начинай свою школьную историю со лжи. Не знаю, как это было в вашей деревне, откуда ты прибыл, но здесь, в Москве, это не принято. Мне нужна правда. Кто, когда и за что. Ну, я жду... – нервно постукивая по столу ручкой, продолжала она.

– Елена Владимировна, мне больше нечего добавить.

– Я же сказала, что мне нужна правда, – повышая тон, задребезжала классная. – В нашей школе должен быть полный порядок.

Стас смотрел себе под ноги и молчал.

– Смотри Хромченко. Твое молчание приведет к тому, что в следующий раз тебя просто прибьют. А еще хуже, если из—за твоего молчания хулиганы останутся безнаказанными и чего доброго пострадает кто—нибудь еще. И виноватым в этом будешь ты. Понял?

Стас кивнул головой.

– Язык что ли проглотил, – съязвила Елена Владимировна.

– Да, понял, – проговорил Стас.

– Раз понял, иди, подумай. А потом все расскажешь.

Стас вышел из класса и присоединился к Кеше, поджидавшему его в углу большого шумного холла, где группировались и перемещались гулкие школьные массы. Кеша прислонился к стене и уставился в окно.

– Ну и чего она домогалась тебя? – спросил он друга.

– Да, – махнул рукой Стас. – Про синяки спрашивала. Кто их мне нарисовал.

– А ты что?

– Да что я? Сказал, что упал. Что еще говорить—то?

Кеша задумался.

– Неплохо было бы от Киселя избавиться, – наконец сказал он вслух, рассеянно глядя перед собой. – Но нужен особый способ. Если его заложить, вряд ли из этого что—нибудь выйдет.

– Я не стукач! – возмутился Стас.

– Не мешай, я не с тобой разговариваю. Просто размышляю вслух, – перебил Кеша. – Способ... возможно, я найду подходящий, – усмехнулся он.

– Что за способ—то?

– Узнаешь, – напустил на себя таинственный вид Кеша. – Пошли пополнять кладовую знаний. Скоро звонок.

Вечером, когда Стас сидел за столом с родителями, отец поинтересовался:

– Ну что, как неделя прошла, чем порадуешь?

– Нормально.

– А принеси—ка дневник, мы с матерью взглянем.

Стас вышел из кухни. Сердце сжалось в маленький комочек. Он попытался взять себя в руки, но воображение уже начало свою работу, рисуя красочные картины расправы, которую через несколько минут учинит ему отец. Стас вошел в свою комнату и достал из сумки дневник. С трудом переставляя непослушные ноги, он вернулся в кухню и протянул его отцу.

– Так, неплохо, – просматривая дневник, произнес отец. – А это что такое? Почему сначала по английскому пятерки, а тут тройка? – ткнул он пальцем в аккуратно выведенную красными чернилами оценку. – Зря тебя, что ли, Галина Викторовна хваливала? Или ее переводческий опыт не дотягивает до программы московской средней школы? – съязвил отец. – Не понял? Что это значит фр. яз?

– Французский язык. Я перешел во французскую группу, – опустил глаза, тихо произнес Стас.

Отец и мать вопросительно переглянулись. Стас заметил, как побледнело и осунулось лицо матери и как виновато забегали за линзами очков ее глаза.

– Что это значит? Как это, он перешел? Какой к чертовой матери французский?! Самостоятельный очень стал? – с хрустом сжимая кулаки, рявкнул отец.

– Учительница сказала, что с моим английским нужно сразу в институт. Я ответил, что немного знаю французский.

Меня и перевели во французскую группу.

– Так, – поднимаясь со стула и закладывая руки за спину, зловеще сказал отец. – У тебя две недели. Еще хоть одна тройка, и будет совсем другой разговор. Каждый день дневник на стол. Что за самовольство? – нервно измеряя кухню шагами, накалялся он. – Ты у меня из—за стола не вылезешь! – отвешивая сыну звонкую оплеуху, перешел он на крик. – Быстро за уроки! И почему на полу крошки и мусор до сих пор не вынесен? Бегом!

Выполнив распоряжения, Стас закрылся в своей комнате и старался не высовываться, чтобы лишний раз не попадать под руку разгневанного отца. Через закрытые двери до него долетали возбужденные, о чем—то спорящие голоса родителей. Речь отца была резка и раздражительна. А мать, как показалось Стасу, пыталась в чем—то оправдаться.

«По ходу у бати настроение хорошее в связи с ожидаемым повышением. А то бы точно прибил, – облегченно выдохнул Стас. – Интересно, чего он на матушку наезжает. Она—то здесь причем? Странно все это. И французский... сдался он ему. Какая разница один язык я буду знать или два? Видать, французы ему когда—то хорошо насолили, – подумал Стас и с двойным усердием накинулся на уроки. – Но теперь, по крайней мере, не надо скрывать, что я изучаю ля лянг франсэз», – улыбнувшись, заключил Стас.

Прошло около двух месяцев с момента переезда Стаса в Москву. Он успел свыкнуться с колкостями Слюнкина и насмешками одноклассников. Стас старался избегать любых контактов со Звездиной, хорошо запомнив Кешин совет держаться от нее подальше, а также урок, преподанный ему Киселем. Дружба с Кешей крепла день ото дня. Каждое утро они встречались внизу у подъезда и вместе шли в школу.

– Слушай, Кисель чего—то в последнее время затаился. Уж не задумал ли чего? – одним морозным утром поделился Кеша со Стасом своими мыслями, поеживаясь от холода.

– Думаешь? – спросил Стас, подходя ко входу в школу.

– Раньше и недели не проходило без какой—нибудь истории, – потянув на себя дверь и пропуская вперед друга, ответил Кеша.

– Слушай, Кеш, – перебил его Стас. – А чего он, например, до тебя или Слюнкина не докапывается?

– У Андрюхи двоюродный брат крутыш. В качалку ходит, кик—боксингом занимается. У него серьезный тусыч, и Кисель это прекрасно знает. А меня? – ухмыльнулся Кеша, расшнуровывая ботинки. – Если меня тронет, братишка вернется, яйца ему отрежет, яичницу сделает и сожрать заставит. Жаль, что он в армии. Я бы с ним поговорил насчет тебя.

Поднявшись по лестнице, они вошли в класс француз-

ского и заняли свою парту возле окна. За несколько секунд до звонка появилась Екатерина Михайловна. Поприветствовав ребят, она отметила присутствующих и вызвала Кешу. Тот достаточно бойко ответил на все заданные вопросы всего лишь с несколькими ошибками и, получив законную четверку, довольный сел на место.

– Надо нам почаще между собой базарить по—французски, – шепнул он Стасу. – Двойная польза. Уроки меньше учить придется, и хрен кто нас поймет, если вдруг приспичит обсудить что—нибудь важное в присутствии посторонних.

– Хорошо, давай, – тихо ответил Стас.

После урока учительница попросила Стаса задержаться. Он дождался, когда все выйдут из класса и подошел к розовощекой Екатерине Михайловне, которая закончив записывать что—то в журнале, заложила его ручкой, и отодвинула на край стола.

– Что ж, я довольна твоими успехами, – улыбнулась она. – Очень довольна. Ты быстро прогрессируешь. Грамматика у тебя на высоком уровне, несмотря на то, что ты изучал ее самостоятельно.

Стасу было необычно и в то же время приятно, что его хвалят. Сам он был уверен, что толком ничего не знает. Правда, мог достаточно легко читать и понимать французские тексты. Но он всегда считал, что разговорная речь намного важнее. Что знание грамматики без нее не стоят ровным счетом ничего. А тут за два месяца такой прогресс

со слов Екатерины Михайловны.

– Мы с Надеждой Алексеевной думали насчет тебя. Стас, весной в 217—ой собеседование. Мне кажется, что тебе просто необходимо попробовать поступить во французскую школу. Английский ты знаешь прекрасно, так что с ним проблем не будет. А вот французский для поступления надо подтянуть.

– Французская школа?! А... она далеко находится? – запнувшись от неожиданного предложения, спросил Стас.

– Далеко? – удивленно посмотрела на него Екатерина Михайловна. – Десять минут быстрым шагом или две остановки на автобусе.

– Как? – воскликнул Стас.

– Вот так. Конечно, придётся дополнительно позаниматься с преподавателем. У меня там работает приятельница. Вот, возьми ее телефон, – вырвав из ежедневника небольшой листок и написав на нем номер, протянула его Стасу. – Поговори с родителями и позвони Ирине Сергеевне.

– Спасибо, Екатерина Михайловна. Вы думаете, меня примут? – аккуратно сложив пополам лист и убрав его в нагрудный карман рубашки, неуверенно спросил он француженку.

– Стас, будь добр, приоткрой, окно, – попросила Екатерина Михайловна.

Стас подошел к окну и повернул ручку. Через образовавшуюся щель в помещение вместе со струями холодного све-

жего воздуха посыпались крупные снежинки. Екатерина Михайловна задумчиво посмотрела на улицу.

– На дворе ноябрь. Собеседование в мае. Если ты будешь так же усердно заниматься, то у тебя в запасе уйма времени. Ну а теперь мне пора, – сказала она, собирая со стола свои вещи.

– Спасибо, Екатерина Михайловна, до свидания! – выпалил Стас и вылетел из кабинета.

«Ни фига себе, я и французская школа! – воскликнул про себя ошеломленный Стас. – Разве такое возможно? Я его учу —то всего пару месяцев по—настоящему. А до этого что? Так, сам ковырялся в учебнике. Как оказалось, только грамматику боле—менее освоил, а произношение было ни туда, ни сюда. Да и сейчас, по—моему, оно хромает», – размышлял ошеломленный Стас, оказавшись в коридоре.

Холл оживленно гудел. Старый начищенный мастикой паркет поскрипывал под ногами, словно свежевыпавший снег. Стас подошел к Кеше, который стоял в кругу незнакомых ребят и о чем—то горячо спорил с невысоким длинноволосым парнем. Заметив приближающегося друга, Кеша что—то сказал приятелям на прощание, отчего те захохотали, и присоединился к Стасу. – Погнали скорей, а то через пару минут физика начнется, – поторопил Кеша.

– Это с кем ты базарил? – спросил Стас друга на ходу.

– Да это Антоха Чумаков из девятого б. У наших паханов гаражи рядом. Вот он все пытается меня переспорить, что

их двенадцатилетний мерседес лучше нашей двадцать первой волги, которой уже лет сорок. Еще ее и рухлядью, гад, назвал.

– А что, не так?

– Конечно, нет! У них местами сквозная коррозия, и это всего через двенадцать лет. А на нашей тачке еще мой дед колесил. Есть, без базара, ржавчина. Но такой металл, как у двадцать первого волгана, хрен разьешь и за сто лет. Батя говорит, что раньше по уму делали и не жалели качественного железа. А сейчас у производителя задача кое—как дотянуть до конца гарантии, а потом извините, будьте любезны в течение нескольких лет привезти в сервис как минимум половину стоимости вашего авто. Такая вот технология. Японцы, правда, говорят, пока еще марку держат. Да и то не все.

– Ты хочешь сказать, что твой батя на ней до сих пор ездит? Чего—то я вашу волгу ни разу во дворе не видел, – усомнился Стас.

– Пахан, ты сам знаешь, – полушепотом сказал Кеша, – бухает периодически. На работу его водила на служебной машине возит. А на своей тачке он в выходные по гаражу круги почета нарезает перед соседями—собутыльниками. Тормозами своими хвастается. Она как вкопанная останавливается. Кстати, а чего от тебя Кате понадобилось?

– Военная тайна, – ответил Стас.

– Какие еще тайны? Ты чего—то, попутал, Мальчиш—Кибальчиш хренов...

– После уроков расскажу, господин главный буржуин, – сказал Стас, вместе со звонком входя в класс физики.

– Костик, кстати, обещал, что сегодня какие—то опыты будем ставить, – громко сказал Кеша, устраиваясь за партой.

Он не заметил, что в этот момент из маленькой комнатки рядом с доской, где хранился необходимый для практической деятельности реквизит, вышел Константин Алексеевич, молодой преподаватель физики с полоской редких темных усиков под носом. Вместо того, чтобы добавить ему серьезности и зрелости, усики делали его почти юнцом, поэтому за спиной школьники называли его просто Костиком. Он нахмурился и строго посмотрел на Кешу.

– Так, Кешкин, – прокашлявшись, грозно начал он. – Приноси из лабораторной необходимые приборы и раздай одноклассникам.

– Одну минутку, Константин Алексеевич! – уважительным тоном произнес Кеша, чем тут же себя реабилитировал и юркнул в комнатку.

Физик быстро оттаял и начал объяснять, что за опыт они будут сегодня ставить и что им для этого понадобится.

Кеша раздал приборы и сел на место.

– Эх, если бы он нам что—нибудь дельное про тротил, нитроглицерин или на крайняк динамит рассказал, было бы дело. А то опять эти цепи, проводники, – разочарованно пробубнил себе под нос Кеша.

– Чего ты говоришь? – не расслышал Стас.

– Да так, ничего, проехали. Опыты, хотя бы интересней ставить, чем просто формулы зубрить. Скорей бы уже уроки закончились.

Выйдя на улицу после занятий, Стас с Кешей попали под обстрел тяжелой снежной артиллерии. Школьники лепили снежки—снаряды и мощными залпами встречали выходивших из школьных дверей. Выбравшись из—под огня, Кеша метнул несколько комков в сторону осаждавших школу, и они повернули за здание, которое своей белизной сливалось с густым снежным покровом.

– Может, прогуляемся? – предложил Стас.

– Чего это тебя вдруг на улицу потянуло? А как же корм для зубра, любимая зубрежка?

– Поговорить нужно. Где тут французская школа?

– А на фиг она тебе сдалась? – спросил Кеша.

– Давай дойдем. Там поговорим.

– Ну, пошли, партизан несчастный! А ты че, в Москве уже несколько месяцев и не знаешь, что в округе находится? Ты вообще был на Красной площади, на старом Арбате, в Пушкинском музее?

– Нет пока.

– Эх ты... приехал в Москву и не фи́га не видал. Ладно, исправим. Устрою тебе небольшой экскурс по столице при случае.

Солнце пробивалось сквозь разрывы в густых снежных облаках и, отражаясь от устланной белым снегом земли,

больно резало глаза. Кеша повел друга дворами, в которых выросли горы—сугробы, и через пятнадцать минут они были на месте.

– Ну, вот школа. Че дальше? – сунув руки в карманы куртки, спросил Кеша, глядя на четырехэтажное панельное здание с горевшими электричеством окнами, отгороженное от мира полутораметровым бетонным забором.

– Сань, только поклянись, что никому?

– Хорош! Не доверяешь, лучше ваще ничего не говори, – разворачиваясь в обратную сторону, обиженно сказал Кеша.

– Да ладно тебе, Сань. Слушай. Француженка предлагает мне попробовать поступить сюда. Весной.

– Не фига се! А тебе оно надо? И так зубришь с утра до вечера, а тут вообще зароешься.

– Сань, скажи, у тебя есть любимое дело?

– Полно! Комп, по инету полазить, в игры порубиться. На лыжах нравится кататься, на коньках. Почитать, иногда.

– Не, я имею в виду такое, которое бы ты хотел делать всегда? Ну, типа, кем ты хочешь стать? Короче, мечта есть?

– А, это, – задумчиво ответил Кеша.

Он снял перчатки, набрал полные ладони пушистого мягкого снега и натер им лицо. Повернулся к Стасу спиной и некоторое время стоял молча, глядя на ползший по небу солнечный диск.

– Я врачом хочу стать, – не поворачиваясь, сдавленным голосом ответил друг. – Девятый закончу, и в медучилище.

А потом в универ. Хирургом буду. Мать у меня болеет. Рак. Если успею, вылечу. И другим буду помогать.

Кеша снова набрал снега и утопил в нем лицо.

– Сань, ты того, прости меня, – пытаюсь поддержать друга, сказал Стас.

– Да ты—то тут причем? – махнул рукой Кеша. – Надорвалась мать. Батя бухает запойно, а мы с братом целиком на ней всегда были. Работа, мы с братом, батя со своими закидонами – сплошной нервяк. Вот и перенапряглась. Хоть и хорохорится, вижу, что хреново ей.

– Да, если бы ты не сказал, я никогда не догадался бы. И батя твой с виду ништяк мужик. Мне он нравится.

– Мужик—то он офигенный. Только уйдет в запой, становится проблемный. Мать его постоянно откачивает. Без нее, давно бы сдох. Извини, Стас, что грузанул тебя. Че там у тебя со школой?

– Да вот, значит, – пытаюсь переключиться обратно, сказал Стас. – Екатерина Михайловна говорит, что мне стоит попробовать поступить в эту школу. Вот ты врачом хочешь стать...

– Хирургом, – перебил Кеша.

– Да, ты хирургом, а я переводчиком. С детства тащусь от языка. В старой школе все английский учили так, ради оценок. А для меня это был любимый предмет. Плюс еще Галина Викторовна, моя учительница, жила в соседней квартире. Я к ней по несколько раз в неделю заходил. Она ме-

ня чаем поила, и мы разговаривали на английском, – с улыбкой вспомнил Стас прошлую жизнь. – Ну, в общем, я был у нее любимым учеником. Благодаря ей, я и знаю английский. А сейчас для меня французский любимый предмет. Я еще там на севере нашел дома старый учебник французского. Полистал его и понял, сам не знаю почему, что хочу выучить этот язык. И начал заниматься самостоятельно.

– А откуда у тебя дома учебник—то взялся? Кто—то из родоков учил?

– Да не, вроде. Мать – немецкий, отец – английский. Правда, ни тот ни другой, ни в зуб ногой. Ни хрена не помнят. А учебник понятия не имею, откуда появился, – пробежав по закоулкам памяти, ответил Стас.

– Ладно, пошли, переводчик несчастный, школу твою новую осмотрим, – хлопая Стаса по плечу, предложил Кеша.

– Она еще пока не моя, – с сожалением вздохнул Стас.

Друзья обогнули здание. Ловя равновесие, пробежались по торчащему из снега забору, откуда нырнули в глубокие сугробы. Затем зашли внутрь школы. На входе их остановил одетый в черную с нашивками форму охранник.

– Ребята, вы из этой школы? – угрожающе сдвигая брови и подозрительно поглядывая на них, спросил он.

– Нет, у меня брат здесь учится в 11а, – не моргнув глазом, соврал Кеша. – Надо ему передать ключи от квартиры, можно?

Массивная фигура охранника на пару секунд замерла,

изобразив состояние глубокой задумчивости.

– Вообще—то не положено посторонних пускать. Ну, так и быть, проходи. А дружок твой пусть здесь подождет. Заодно вещи твои покараулит. Кстати, как брата зовут?

– Антон Рачков, – выпалил Кеша.

– Такого не знаю, – пожал плечами охранник. – Давай, проходи и одна нога здесь, другая там.

– А—а—а... можно мы вместе, он в туалет хочет, умирает, – кивая головой в сторону Стаса, шепнул Кеша.

Стас подхватил игру друга и начал нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, пытаюсь вспомнить, какое бывает выражение лица у человека, который нестерпимо хочет в туалет.

Еще раз окинув друзей бдительным взглядом, страж махнул рукой и сказал: – Черт с вами, валяйте. Только отряхнитесь хорошенько, чтобы снегу не нанести в школу. Не то Марья Андреевна от вас живого места не оставит. И куртки в раздевалке повесьте.

– По—моему у директора другое имя было, – удивился Кеша. – Брат называл, да я, блин, забыл!

На серьезном лице охранника появилась улыбка: – Марья Андреевна это наша уборщица. Разве он не рассказывал про нее? Зверь женщина, – шепотом сказал он. – За чистоту готова на куски порвать.

– Нет, ничего не говорил про нее, – покачал головой Кеша и огляделся по сторонам, не видать ли грозной уборщицы.

– Ну, давайте, бегом, – поторопил их охранник. Вон там справа, – махнул он рукой в сторону висевшего на стене стенда, – расписание. А туалет на втором этаже. Справа мальчики, слева девочки. А директоршу зовут Дарья Данииловна Фендельбаум, – многозначительно указывая пальцем вверх, – произнес охранник.

– Ну, ты даешь! – шепнул другу Стас, засовывая шапку и перчатки в рукав куртки в раздевалке.

– Птица говорун отличается умом и сообразительностью! Помнишь этот мульт? – спросил Кеша.

– Не—а.

– Ты че, тайну третьей планеты не смотрел? Старый, еще совковый.

– Может и смотрел, не помню.

– Глянь, прикольный. Нам с брательником матушка не давала в детстве импортные мульты смотреть. Вплоть до того доходило, что грозилась телевизор на помойку выбросить. А старые советские смотрели, сколько захотим. Я ей за это только спасибо сказал потом. В них хоть смысл есть и рисунки офигенные, в отличие от того, чем сейчас ящик забит.

В школе все было новое. Видно, летом прошел капитальный ремонт, и до сих пор стены сохранили запах краски. Большие квадратные окна бросали обильные световые пятна на плиточный пол. Белые двери были плотно закрыты. С высоких потолков струился голубоватый свет от люминесцентных ламп. В коридорах было тихо, лишь из—за некоторых

дверей доносилась мелодичная французская речь.

– Ну не знаю, – сказал Кеша, – наша школа мне больше нравится. Здание старинное, колонны, паркет. А эта на больничку смахивает.

Стас остановился возле одного из кабинетов, прислонив ухо к двери. Кеша сел на подоконник. Достал мобильник и начал рыться в нем. Закончив, он спрыгнул на пол, накинул на плечо сумку и взял Стаса за локоть.

– Пошли, француз. А то охранник чего доброго заподозрит нас в террористической деятельности.

Друзья спустились на первый этаж и натянули теплые куртки и шапки.

– Ну что, нашли брата? – спросил охранник.

– Нет, ушел уже. Придется ему померзнуть, – засмеялся Кеша.

Оставив стены школы, Стас с другом побрели в сторону дома. Белый снежный пух приятно поскрипывал под ногами.

– Наконец зима нормальная наступила, можно с горок полетать. Пойдешь? – спросил Кеша.

– Сейчас что ли?

– Нет, на днях. Пусть поболее снежка навалит. А потом у школы каток зальют. У тебя есть коньки?

– Были. Надо померить, вдруг нога выросла.

– Ничего, носы срежешь, будет вариант с вентиляцией! Шучу, если чего можно на антресолях порыться. От брательника много чего осталось. Он в хоккее постоянно рубился,

так что коньки, клюшки, шайбы есть. Ты кстати, под какую руку играешь? – спросил Кеша.

– Под правую.

– Повезло, как братан. А я под левую. Так что тебе его клюхи перепадут. Но, чур, с возвратом. Слушай, завтра контрольная по геометрии. Я чего—то последнюю тему не понял, поможешь?

– Не вопрос, – ответил Стас, заворачивая в Кешин подъезд.

Оказавшись в тепле, Стас почувствовал, что сильно проголодался.

– Кеш, может, перекусим чего сперва? – спросил он друга.

– А то! Ты пока чайник поставь, а я яичницу сварганю. Бабка яиц домашних прислала.

Кеша накрошил репчатого лука и бросил в обильно политую маслом сковородку. Туда же отправил тонко нарезанные ломти хлеба. Когда лук и гренки поджарились, залил их десятком яиц.

– Кеш, у нас от такого количества яиц диатез не выскочит? – спросил Стас.

– Не выскочит. Эко продукт. Бабка кур для себя держит, поэтому кормит нормально, без всяких анаболиков и антибиотиков, – раскладывая по тарелкам еду, ответил Кеша.

С аппетитом умяв яичницу и запив ее чаем, друзья плавно переместились в Кешину комнату и устроились за столом. Стас целый час объяснял ему материал, и, казалось, Кеша

все понял.

– Все ясно. Только мой мозг так устроен, что, боюсь, к завтрашнему утру все испариться, – почесал затылок Кеша.

– А как же ты собрался в медицинском учиться? Там, думаю, посложнее, чем в школе будет.

– Понимаешь, если мне что—то интересно, я все запоминаю. А алгебра с геометрией, да и еще в исполнении Елены Ужасной меня абсолютно не увлекает.

– Придется поднапрячься, Кеш. Особенно, если ты собираешься провести в этой школе еще какое—то время.

– Посмотрим, может, что и отложится в моей башке, – скептически хмыкнул Кеша.

– Ладно, Кеш, я пойду. А то еще столько всего сделать надо, – начал собираться Стас.

Вернувшись домой, Стас первым делом набрал номер Ирины Сергеевны.

– Алло, – послышался низкий женский тембр в телефонной трубке.

– Ирина Сергеевна, здравствуйте. Меня зовут Стас. Ваш номер мне дала Екатерина Михайловна, – представился он.

– Екатерина Михайловна? – переспросила она.

– Да. Наша учительница по—французскому.

– А, теперь поняла.

– Я хотел с вами поговорить насчет занятий.

– Стас, сейчас не совсем удобно. Приходи в среду к трем часам к 217—й и набирай. На месте все обсудим. Ты знаешь,

где она находится?

– Да, конечно.

– Тогда до среды.

– До свидания, Ирина Сергеевна, – попрощался Стас и повесил трубку.

10

– Ну чего, Кеш, как голова? – спросил Стас на следующее утро, когда они поднимались по школьной лестнице к классу математики.

– А что тебе моя голова далась? – не понял Кеша.

– Треугольники с квадратами не выпали из нее за ночь?

– А, ты про это... – повеселел Кеша. – Сейчас заодно и проверим, – сказал он, входя в кабинет.

Скоро появилась Елена Владимировна. Класс как по команде встал, производя невероятный шум.

– Садитесь. Таня, раздай задания, – попросила она Таню Болотину.

– Слушай, а ты по—моему ей нравишься, – прошептал Кеша Стасу, после того как Таня отошла от их стола.

– С чего ты взял? – недоверчиво посмотрел на него Стас.

– Заметил, как она на тебя поглядывает...

– Кешкин, Хромченко, что за разговоры? Кешкин, ну ка поменяйся местами с Болотиной, – потребовала Елена Владимировна.

– Это судьба, – ухмыльнулся Кеша, собирая вещи. – Смотри, не зевай!

– Да иди ты... – покраснев, бросил Стас вслед другу.

Таня собрала свои вещи и заняла Кешино место.

– Привет, – тихо сказал она Стасу.

– Привет, – смущенно выдавил в ответ Стас и отвел в сторону взгляд.

Во время контрольной стояла гробовая тишина. Елена Владимировна с указкой в руках ходила между рядами, пристально наблюдая за ходом работы. Чтобы списать у соседа не было и речи. Лишь мастерство и ловкость рук могли помочь воспользоваться шпаргалками. Кеша поднял руку.

– Что, Кешкин? – спросила Елена Владимировна.

– Можно выйти?

– Нет, – отрезала она. – И не мешай классу работать.

– Но мне надо.

– Я сказала, нет. Нужно было свои дела перед уроком делать. Знаю я все ваши фокусы. Закончишь, выйдешь.

Таня первой справилась с контрольной, и Елена Владимировна кивнула ей на дверь. Таня потихоньку собрала вещи и вышла из класса. До конца урока оставалось чуть больше десяти минут. Стас закончил работу и быстро проверил ее. Затем поднялся и подошел к столу классной, кладя свою тетрадь поверх Таниной.

– Можешь быть свободен, Хромченко.

Выходя из класса, Стас обратил внимание, что Кеша с озабоченным видом оттирает рукавом лоб.

«Чего это Кеша так нервничает? – удивился он. – Неужели не может скатать?»

Потихоньку прикрыв за собой дверь, Стас повернулся и заметил Таню. Она одиноко стояла в огромном пустом

холле, прижавшись спиной к колонне, и читала книгу. Свободное шерстяное платье светло—коричневого цвета спускалось чуть ниже колен. Пышные русые волосы, разделенные боковым пробором, мягко ложились на плечи. Глаза, цвета яркого ультрамаринового неба плавно скользили по строкам. Вздернутый нос с маленькой родинкой на самом кончике упрямо смотрел вверх.

«А она ничего, симпатичная», – подумал Стас, разглядывая ее.

– Что читаешь? – поинтересовался он, подойдя к девушке.

Таня закрыла и протянула книгу в мягкой обложке. Луна и Грош, Сомерсет Моэм, гласило английское название.

– Все понимаешь? – поинтересовался Стас.

– Что не понимаю, в словаре смотрю. Или преподавательница объясняет. Я дополнительно английским занимаюсь. Хочу попробовать на филфак поступить после школы.

– На английскую филологию? – заинтересованно спросил Стас.

– Нет, на китайскую, в институт стран Азии и Африки.

– Ты китайский знаешь? – удивился он.

– Немножко. Но с десятого класса пойду на подготовительные курсы при институте. И родители обещают взять учителя китайского. Жаль, что ты перевелся во французскую группу, – вздохнула Таня. – Могли бы на уроках на английском говорить. Так, для практики.

– А почему именно китайский? – поинтересовался Стас.

– У меня дед в Китае долгое время жил. Много рассказывал про эту страну. Научил меня азам языка. Может поэтому, – пожалала плечами Таня.

Раздался звонок, возвещая начало шумной перемены.

– Если хочешь, можем спик инглиш самтаймс, – предложил Стас, переходя на английский.

– Правда? – оживилась Таня.

– Уай нот? – ответил Стас. – Можем, например, как—нибудь после уроков прогуляться, – слегка покраснев, сказал он. – И заодно попрактикуемся.

– Ой, здорово! – захлопала в ладоши Таня.

Дверь класса распахнулась, словно из тюбика выдавливая густую толпу одноклассников. К Стасу и Тане подлетел выпучивший глаза Кеша и ни слова не говоря бросил Стасу сумку, а сам понесся в сторону туалета. В этот момент к ним неуклюжей походкой подошла отличница Катя Петрова в круглых, как у Гарри Поттера очках.

– Ладно, Стас. Мне нужно идти, – убирая книгу в сумку, сказала Таня и, взяв под руку подругу, направилась в сторону лестницы.

Вскоре появился Кеша с абсолютно счастливыми глазами и порозовевшими щеками.

– Ну, че, можно поздравить с облегчением? – иронически спросил его Стас.

– Да! – блаженно закатывая глаза, ответил Кеша. – Чуть не обделался. Как прихватило на контрольной! А Елена, коб-

ра, не отпустила. Я вобще не пойму, у нас как, знания для человека, или наоборот, человек для знаний? В следующий раз прямо посреди класса наложу, будет знать. По ходу сардельками траванулся с утра. И чего туда положили? Крысятинны что ли? Стась, ты хватай мою сумку и чеши на урок. Скажешь Кате, что меня тяжело ранило и я, истекая кровью, с трудом, но все—таки ползу на французский, чтобы умереть под его мелодичные звуки. А я домой сгоняю, выпью что—нибудь от диареи, поноса то бишь и присоединюсь.

– Бьен, – кивнул головой Стас. – А я, честно говоря, подумал, что ты ничего не знаешь и скатать не можешь, поэтому так нервничаешь.

– Ага, щаз, буду я из—за всякой ерунды настроение себе портить, – ухмыльнулся Кеша. Ладно, побегу до хаты, а то сам знаешь, Катя не очень любит, когда мы опаздываем. Ведь французский есть пуп земли! – засмеялся Кеша и припустил в сторону лестницы.

Стас закинул на плечо две сумки и неторопливо пошел к классу. Кеша все—таки опоздал минут на десять. Но он так долго и вежливо извинялся перед Екатериной Михайловной на французском, что та, в конце концов, не выдержала и рассмеялась, поторопив его садиться на место и не отнимать драгоценное время.

Когда урок закончился, Кеша потащил Стаса в столовую. – А тебе—то там что делать? – удивился Стас. – Тебе, по ходу в сортир надо.

– Двигай, юморист. Мне сейчас крепкий чай нужен. Можно с сухарями.

– Думаешь, ты в столовке найдешь их? – с сомнением спросил Стас.

– Я из дома притащил, так что все хоккей.

Они вошли в столовую и заняли очередь. Когда перед ними оставалось всего пару человек, Кеша заметил, что освободился столик.

– Возьмешь мне два черных чая, – сказал он Стасу. – Я побегу место забью.

– Ок!

Дождавшись своей очереди, Стас взял для Кеша два чая и булку с компотом для себя. Поставил все на поднос и подошел к столу.

– Ну как у тебя с Танюхой? – хитро подмигивая, поинтересовался Кеша у друга, беря стакан чая. – Закадрил ее?

Стас не успел ответить, так как Кеша сильно пихнул его ногой. От неожиданности Стас поперхнулся.

– Ты чего творишь? – выдавил он.

– Да тише ты, смотри, – кивнул Кеша в сторону прилавка. – Легок на помине, мать его.

Стас поднял голову и поймал на себе изучающий взгляд Киселя. По спине пробежал холодок. Кисель тем временем, положив еду на поднос, нагло улыбаясь, двинулся в их сторону. Стас окаменел от ужаса и молил лишь о том, чтобы Кисель прошел мимо. Но поравнявшись с их столиком, тот

остановился и перевернул поднос прямо Стасу на голову. По волосам и лицу потек липкий желтоватый персиковый нектар. По рукаву сползла и упала на пол сосиска, оставив после себя кровавый след кетчупа.

Внутри у Стаса что—то сжалось, сперло дыхание в груди и быстро заколотилось сердце. Он ощутил, как к горлу подкатывает ком. У Стаса не хватило духа, чтобы поднять голову и посмотреть прямо в лицо обидчика. Он знал, что встретится с ледяным, темным как безлунная ночь взглядом Киселя. Унижение, которое сейчас испытывал Стас, было сильнее страха физической расправы. Его не пугала мысль о том, что Кисель может ударить его. Нет, скорее всего, тот не дурак, чтобы сделать это при таком количестве свидетелей. Он нутром ощущал, что сейчас каждый, кто находится в столовой, смотрит на их столик. На него. И от ощущения собственного бессилия и позора Стас желал лишь одного – провалиться сквозь землю.

– Хромой, ты чего там потерял? Смотри сюда, я теперь из—за тебя без еды остался. Че делать будем? По—хорошему разойдемся или продолжим старый разговор? – ухмыляясь краем рта, с вызовом спросил Кисель.

Стас взял протянутую Кешей салфетку и дрожащей рукой молча промокнул лицо и шею.

– Ты че, онемел? Я тебя, кажись, о чем—то спросил, – продолжал издеваться Кисель, пнув Стаса по ноге.

Кеша вскочил со своего места, чтобы заступиться за дру-

га.

– Сиди, не рыпайся. У нас с Хромым свои счета, – рыкнул Кисель.

Лицо Кеши побледнело, зубы заскрежетали, кулаки нервно сжались, но он опустил на место.

– А теперь пошел, и купил мне... и Ленке, – заметив входящую в столовую Звездину, сказал он Стасу, – два чая с лимоном, бутерброды с сыром, и пару сладких слоев. И место нам освободите. Давайте, бегом. И, Хромой, – бросил Кисель. – Сдачу не забудь прислать.

В этот момент в дверях показалась квадратная фигура Джузеппе. Заметив потасовку, он мгновенно оказался рядом с их столиком.

– Киселев, что случилось? – беря его своей могучей рукой за рукав, спросил Александр Сергеевич.

– Да ничего, Александр Сергеевич. Вот этот, – указал он на Стаса, – поставил мне подножку. Я чуть не упал и остался без еды, – объяснил Кисель.

Задребезжал звонок.

– Так, Кешкин, Хромченко, бегом на урок, – скомандовал Джузеппе. – А ты Киселев стой, – остановил он двинувшего вслед за Стасом и Кешей Киселя. – Я еще не закончил.

«Фу! – с облегчением выдохнул Стас и вытер дрожащей рукой со лба капли холодного пота, когда они скрылись за углом. – Пронесло. И в этот раз Джузеппе спас меня. И чего этот Кисель до меня докопался?»

– Чего—то Кисель совсем нюх потерял, – словно подхватив мысли друга, ругнулся Кеша. – Он за это ответит, – со злостью добавил он, приглаживая непослушные кучеряшки на голове дрожащей рукой.

– Эй, сладкая парочка, где бродите? – насмешливо спросил Слюнкин, выходя из раздевалки. – Физручка уже скучает. Давайте булками шевелите.

Забежав в раздевалку, где уже было пусто, Стас первым делом смыл с себя остатки сока и застирал рукав рубашки, на котором красовалось большое красное пятно от кетчупа. Затем повесил ее на батарею. Переодевшись в синие шорты, белую футболку и голубые кеды, Стас вслед за Кешей вбежал в просторный светлый спортивный зал с высоченными потолками, и занял свое место в начале шеренги рядом с другом.

Между длинными окнами в стены были вмонтированы деревянные шведские стенки. Два баскетбольных щита расположились друг напротив друга в разных концах зала. Под ними стояли футбольные ворота. С потолка спускались несколько белых канатов, завязанных к низу крупными узлами. Свисали гимнастические кольца. Баскетбольные щиты крепились к стене перекладинами, которые по совместительству выполняли функции турника. Рядом стояли закрепленные в пол брусья. В зале было свежо, и Стас поежился, с завистью поглядывая на одноклассников, одетых в теплые спортивные костюмы. Учитель физкультуры Людмила Андреев-

на ненавидела спертый воздух, и даже зимой в зале были приоткрыты окна. А холодный воздух, также как и холодная вода, по ее представлениям, являлись лучшими помощниками физкультурника.

– Так, юные спортсмены, проведем переключку, – открывая журнал и нацеливаясь ручкой в первую фамилию в списке, низким голосом прогремела бывшая гимнастка Людмила Андреевна.

– Звездина, а ты почему не переделась? – вопросительно посмотрела она на Лену.

– А у меня физиология, Людмила Андреевна, – жеманно протянула Лена.

– Тебе следует показаться врачу, – усмехнулась Людмила Андреевна. – Что—то физиология у тебя уже как полтора месяца не прекращается. Смотри, Лен, двойка в четверти будет, – предупредила она. – Теперь что касается здоровых. Сегодня сдаем нормы. Хватит в волейбол играть. Разбаловала я вас. Мальчики – турник, брусья, канат. Девочки – для начала разминка, потом прыжки через козла. Поехали.

– А давайте лучше через Хромченко прыгать, – поднялась со своего места Звездина с предложением. – Он у нас форменный козел.

– Замолчи и выйди из зала. Посиди в раздевалке и подумай, что ты будешь делать, когда нужно будет исправлять двойки.

– Какие такие двойки, Людмила Андреевна? У меня

справка от врача, — нагло улыбаясь, ответила Звездина.

— Ничего, по поведению точно получишь пару. Уйди, Лен, лучше не нервируй меня, — переводя взгляд на хихикающий класс, отрезала Людмила Андреевна.

Несмотря на солидный возраст, а было ей уже хорошо за сорок, Людмила Андреевна являлась эталоном энергии и отличной формы. Невысокая, с идеальной осанкой, крепкой мускулатурой и несвойственной простым людям гибкостью. Она всегда была одета в красно—белый спортивный костюм и в белоснежные кожаные кроссовки. На шее у нее болтался спортивный свисток на ленточке цветов российского триколора, а на голове сидела розовая бейсболка, из—под которой выглядывал хвостик каштановых волос. Глядя на легкую, пружинящую походку Людмилы Андреевны, складывалось впечатление, что еще один шаг, и она оторвется от земли, чтобы проделать оставшийся путь по воздуху. Ко всему этому она обладала командным голосом и железным характером.

Людмила Андреевна сепарировала мальчиков от девочек. Последних проводила на отделенную волейбольной сеткой половину, где стоял пожилой, потертый временем козел, с приставленным к нему деревянным трамплинчиком. За снарядом лежал толстый мат, дабы смягчить приземление. Девчонки, охая, разбегались и, опираясь руками о спину старого козлика, благополучно приземлялись. Правда, не всегда на ноги, что вызывало бурные приступы смеха. От-

стрелявшись, они усаживались на скамейки, расставленные вдоль стен, и наблюдали за остальными.

Тем временем почти все ребята закончили обязательную программу. Доползла очередь и до Стаса. Он повис на турнике и, извиваясь ужом и подёргивая ногами, с трудом подтянулся четыре раза.

Послышался гогот Слюнкина.

– Ну, ты даешь, Хромой! Башку забил книгами, а зад перевешивает! Девчонки и то больше подтягиваются! – бросил Слюнкин, прыгая на турник, с легкостью делая подъем с переворотом. – У пацанов сила в мышцах, – задрал он рукав футболки и напряг бицепс. – Как в старой песне: Что будут стоить тысячи слов, когда важна будет крепость руки?

Класс прыснул. Осмеянный, задетый словами Слюнкина, Стас хотел отойти в сторону, но голос Людмилы Андреевны снова собрал всех в единую шеренгу.

– Хромченко, в этот раз ставлю тебе авансом четверку, – листая журнал, сказала Людмила Андреевна. – По другим предметам ты вон как успеваешь. А физкультура что ж? Думаешь, менее важна? Зачем человеку знания, если его тело рассыпается от болезней? В здоровом теле здоровый дух! А физическая культура – залог долгой и счастливой жизни.

– Людмила Андреевна, так он же калека. У него и фамилия такая, Хром—чен—ко, Хромой. Чего вы от него хотите? – продолжал развлекать публику Слюнкин.

– Андрей, прекрати. Что вы волками накинулись на пар-

ня? Из—за того, что он новенький, нужно травить что ли? Подумай, Слюнкин, ты, да и каждый из вас тоже можете оказаться на его месте. А жизнь такая штука, что ничего не забывает. Припомнит в самый неподходящий момент, только помощи будет ждать неоткуда.

Прозвеневший звонок с одновременно загудевшим классом остановил Людмилу Андреевну.

– Минутку, – повысила она голос, перекрывая поднимающийся шум. – Напоминаю, что по вечерам я веду секцию спортивной гимнастики. Так что милости прошу. Отклейте свои зады от кресел, а глаза хотя бы на часок от мониторов и приходите. Потом сами спасибо скажите. А то вы все супергерои, когда двигаете мышкой. Приходите, узнаете, что у вас еще и мышцы есть.

В среду Стас пришел на встречу с Ириной Сергеевной на пятнадцать минут раньше назначенного времени. На улице ярко светило солнце, превращая снег в горы переливающихся самоцветов. Заметно похолодало. Стас попытался набрать полные легкие воздуха и тут же вспомнил свой городок.

«Какой же там был чистый воздух. А здесь непонятно чего больше, кислорода или выхлопных газов. Я раньше даже и представить себе не мог, что бывает такое количество машин», – подумал он, поглядывая на дорогу, по которой ползли чадающие легковушки, грузовички и автобусы.

Он выбрал безветренное, залитое солнышком место, неподалеку от входа во французскую школу. Каждые несколько минут Стас вытаскивал из кармана мобильник и поглядывал на часы. Ровно в три набрал номер Ирины Сергеевны.

– Ирина Сергеевна, здравствуйте. Это Стас, я вам позавчера звонил. Вы сказали подойти к трем часам и набрать вам. Вот...

– Ты у входа? Я уже собираюсь, сейчас буду.

Стас поднялся на крыльцо. Двери то и дело хлопали, выпуская на улицу школьников. Стасу казалось, что в спецшколах должны учиться спец дети. Но выходявшие оказывались

такими же, как и те, с которыми учился он. Дверь распахнулась в очередной раз и на пороге появилась женщина лет пятидесяти, одетая в темно—коричневое пальто с рыжим лиловым воротником. Шапка была из такого же меха, с длинным пушистым хвостом, болтающимся сзади. Как только она оказалась на морозном воздухе, ее очки тут же запотели. Она сняла перчатку и, вытащив из кармана аккуратно сложенный белоснежный носовой платок, начала протирать стекла, слегка сощурив свои серо—зеленые глаза. Закончив, водрузила очки на место и лишь после этого огляделась по сторонам. Заметив молодого человека на крыльце, она подошла к нему поближе и спросила:

– Стас?

– Да, Ирина Сергеевна.

– Приятно познакомиться.

Они немного отошли от школы.

– Рассказывай, что ты хотел?

– Ирина Сергеевна, Екатерина Михайловна говорит, что мне стоит попробовать поступить в вашу школу. Сказала, что вы можете помочь.

– В каком ты классе? – неожиданно перейдя на французский, спросила Ирина Сергеевна.

– В восьмом, – после небольшой заминки, ответил Стас.

Пока они неторопливо шли по притоптанному снегу, Ирина Сергеевна засыпала Стаса комьями вопросов, по привычке поправляя ответы.

– Что ж, неплохо. А как у тебя с английским? У нас ведь два языка изучают.

– С английским вроде как порядок, – скромно ответил Стас.

– Но все же школа французская. Стас, чтобы поступить, нужно много, очень много заниматься. Я подготовлю тебя по нашей программе. Занятия три раза в неделю по полтора часа. Стоимость две тысячи. Переговори с родителями, и свяжитесь со мной. У меня свободные часы по вторникам, четвергам и субботам.

– Хорошо, – кивнул головой Стас.

Они попрощались, и он, опустив голову, побрел в сторону дома.

«А чего я собственно ждал? – рассеянно глядя перед собой сквозь начавшийся снегопад, подумал Стас. – Что она скажет, какой я хороший и будет просто так со мной заниматься? И чего теперь делать? Родителям даже заикаться не имеет смысла. Батя, услышав слово с корнем – франц, прийдёт меня. Вот бы денег раздобыть где—нибудь».

Дойдя до своего подъезда, он остановился, наблюдая, как два молодых узбека в легких курточках и старых кроссовках бойко работают лопатами, очищая улицу от навалившегося снега. Стас несколько минут потоптался на месте, а потом уверенно шагнул к Кешиному подъезду.

«Одна голова хороша, а две лучше. Может, Кеша присоветует чего», – нажимая на звонок, оживился Стас.

– Проходи, – отворил дверь Кеша и быстро исчез в своей комнате.

Стас присел на низкую табуретку и стянул с озябших ног ботинки. Засунул шапку в рукав своей старой куртки и повесил ее на крючок. Войдя в комнату приятеля, тяжело опустился на скрипнувший диван, застеленный клетчатым зеленым пледом.

– Что случилось? – спросил Кеша, продолжая что—то пахать за столом.

– Слушай, Сань. У тебя есть идеи, как подзаработать?

– Тебе зачем?

– Тут такое дело... в общем, я встречался с училкой из 217—й. Говорит, чтобы к ним поступить, нужно заниматься три раза в неделю. Каждый урок две тысячи. Итого в месяц двадцать четыре.

– У предков попроси.

– Не дадут, – качая головой, ответил Стас.

– Почему? – вздернул от удивления вверх густые черные брови Кеша. – Ты же не на развлекуху просишь, а на учебу.

– Я ж тебе говорил, что после восьмого батя меня хочет в суворовское засунуть. И если я зайнусь про французскую школу, он меня кончит.

– Не понял? – сказал удивленный Кеша, выключая и кладя на место дымящийся паяльник, от которого по комнате полз приятный запах канифоли. – Ты же хочешь быть переводчиком, какое на фиг суворовское?

– Слушай, Сань, а ты чего паяешь? – попытался перевести тему в другое русло Стас.

– Что паяю? Корпус для атомной бомбы! Шутка. Да так, кое—что сломалось, – уклончиво ответил друг. – Ты мне про суворовское не ответил?

– С отцом бесполезно разговаривать. Он так решил.

– Что это значит, он решил? Ты че раб что ли? Ты хочешь быть переводчиком, а он тебя в суворовское запихнет... бред какой—то, – пренебрежительно фыркнул Кеша. – Мои вообще не лезут в мою жизнь. Кем хочешь, тем и будь. Только бы учился и дурью не маялся. Это раньше все было жестко. Но теперь, братан, все изменилось. И мы другие. Так что старые приемчики типа наорать или отлупить уже не прокатывают. Нам нужно самим учиться делать правильный выбор. А какой, блин, выбор ты сделаешь, если за тебя уже все решено? Если будешь жить по чужой указке, пусть даже родительской, чего ты добьешься в жизни? – внимательно посмотрел он на Стаса. – Хотя ты у нас уникальный тип. Знаешь, чего хочешь. И хоть тайно, но все же идешь к своей цели. Посмотри вокруг. Родители моих кентов жалуются, что их дети ни фиги не хотят, ни к чему не стремятся, ничего не делают. Балду бьют целыми днями.

– Почему? – спросил Стас.

– Еще спрашивает. Да потому, что они их с детства пичкают тем, что считают нужным: рисование, борьба, музыка и так далее. Длинный список можно составить.

– Разве это плохо? – удивился Стас.

– У тебя есть, что ты больше всего в жизни ненавидишь? – задал вопрос Кеша.

– Лук вареный, – тут же выпалил Стас. – Только увижу головку в супе, сразу же воротить начинает.

– Вот ты сам и ответил на свой вопрос. Так же и их воротить начинает от всех этих родительских предложений. Зачем, спрашивается, валить на плечи своих детей груз того, чего в детстве сами не сделали. Вон, у меня сосед по деревне, Гарик, в прошлом году окончил музыкальную школу. И чего ты думаешь, он подходит к своей пианине? Как бы ни так. Он крышку намазал супер клеем и намертво присобачил ее к инструменту в знак протеста. Хрен теперь откроешь. Говорит, что его блевать тянет от музыки, и он больше никогда не подойдет к роялю или какому—нибудь другому музыкальному инструменту на пушечный выстрел. А почему? Да потому, что его в школу насильно запихнули мамаша с папашей. И под разными угрозами заставили окончить ее. А знаешь, зачем они отдали в музыкалку?

Стас пожал плечами:

– Ну, наверное, хотели, чтобы он поразвитей был.

– Ага, шаз... просто, когда гости приходили, они сидели за столом, набивая пузо яствами, а Гарик их развлекал игрой на фортепьяно. А все хлопали своими жирными ладошками и кричали браво, какой у вас одаренный и гениальный сын, какая у вас музыкальная семья. Так кому, спрашивает-

ся, нужна была эта школа? Правильно, родокам. Только вот они не удосужились ее закончить в свое время.

– А что им мешает сейчас брать уроки музыки? – сказал Стас. – Плати деньги и занимайся частным образом. Даже лучше, мне кажется, чем в школу ходить. Преподаватель будет давать то, что нужно.

– Это ты круто загнул, мне нравится. Надо будет Гарику подкинуть идею, чтобы он своей мамаше порекомендовал музыкой заняться. Кстати, Гарик всю жизнь просил своих отдать его на футбол. И вот теперь он целыми днями мяч пинает. На улице, дома, в школе, везде. А когда гости приходят, он бастует и валит из дома. Ладно, давай прикинем, что произойдет, если ты поступишь в школу без ведома предков. Они же все равно узнают?

– Лучше об этом не думать, – ответил Стас.

– Как это, не думать? Представь, что ты пожрать не подумал. Так скоро копыта отбросишь.

– Кеш, я еще сам ничего не понимаю. Я даже не мог предположить такого поворота. А если поступлю... ну, в общем, может как—нибудь, да пронесет. По крайней мере, попробую.

– А что если тебе взять да завалить вступительный экзамен в суворовское? – подкинул идею Кешу.

– Если батя с кем—то договорился, то экзамен будет чистой формальностью. Ты лучше скажи, есть мысли, где денег взять?

Кеша задумчиво почесал затылок.

– Фиг знает. Честно говоря, не думал никогда. Не было необходимости. Если мне что—то нужно, я к матери или отцу иду. Почти всегда денег дают. Ну, это мы отклонились от курса. Давай в инете посерфим, – расталкивая компьютер от беспробудного сна, сказал Кеша.

– Во, глянь—ка. В торговый центр требуются распространители рекламы. Оплата триста рублей в час. Не густо. С твоим графиком в день максимум штуку заработаешь. А когда готовиться будешь? Все свободное время подработка сожрет, – крутясь на кресле, рассуждал Кеша. – Слухай! А может, почтальоном устроишься? С утра перед школой газетки разнес и все. Кто стучится в дверь ко мне, с толстой сумкой на плече? Это он, это он, Стасик Хромый почтальон! – пошутил Кеша. – Ты только не обижайся, это так, чисто для рифмы.

– Не, почтальоном не пойдет, – задумчиво ответил Стас. – Быстро вычислят. Почту разносить придется не где—нибудь, а в своем районе. Разговоров будет...

– Н—да, – хлопнув ладонью по столу, согласился Кеша.

– Ничего, хотя бы в выходные подрабатывать буду. Два раза в неделю по три—четыре часа, нормально. Тем более смотри, в объявление написано оплата не триста, а от трехсот рублей в час. Так что на одно занятие точно наберу, а при хорошем раскладе и на два.

– Так училка же говорит, что три раза в неделю надо, –

возразил Кеша.

– Начну хотя бы с одного, а там посмотрим.

– Ты центры поближе к дому ищи, а то полдня туда—обратно будешь ездить.

– В метро можно читать и плеер слушать. Так что буду использовать это время на подготовку.

– Когда на разведку планируешь? – поинтересовался Кеша.

– Да прямо завтра.

– Я с тобой. Завтра после школы обедаем и сразу же стартуем.

– Заметано! – обрадовался Стас неожиданной компании.

12

– Ну, че, ты все—таки решил искать работу подальше от дома? – спросил Кеша Стаса, спускаясь в метро.

– Уи...

– Тогда нам нужно выбрать противоположную сторону света. Посмотрим торговый центр между третьим и садовыми кольцами, – заложив руки за спину, остановился Кеша перед схемой метрополитена, словно командир перед решающим контрнаступлением.

– Прикольнo, Москва вся в кольцах, – заметил Стас.

– Да, есть такая фишка. Предыдущий мэр добавил третье кольцо, и за это его прозвали властелином этих самых колец. Так что не только хоббиты живут в волшебной стране. Но и мы тоже. А может мы и есть хоббиты? – засмеялся Кеша. – Ладненько, давай глянем, что у нас есть. Так... предлагаю съездить на проспект Мира и Новослободскую, – ткнул Кеша пальцем в светящуюся карту метро. – Они достаточно далеко от дома, а проходимость должна быть хорошая. Заодно и проверим. Есть возражения?

– Никак нет, товарищ командир, – отрапортовал Стас.

– Тогда в атаку, начнем с Новослободской. До нее ближе, – вытянув вперед руку, скомандовал Кеша и засеменил в сторону платформы.

Поезд с грохотом домчал друзей до кольцевой линии, где

они сделали пересадку и через пятнадцать минут поднимались по эскалатору.

– Смотри сколько народа. Скоро будешь впаривать им листовки, привыкай.

Перейдя под землей улицу, они зашли в торговый центр, примыкающий к дороге. Кеша спросил у вооруженного рацией охранника в темно—синем костюме, как пройти в администрацию. Тот объяснил дорогу, сопровождая слова активной жестикуляцией, и Стас двинулся вслед за Кешей по выложенному бежевой плиткой полу на второй этаж. Пройдя вдоль бесконечной вереницы магазинчиков с одеждой, обувью, чемоданами, детскими игрушками, компьютерной техникой, они остановились перед дверью, из—за которой доносились громкие голоса. Кеша уверенно постучал и шагнул внутрь.

– Здрасьте! – деловито начал он. – Мы на работу устраиваться. С кем можно поговорить?

– Это на какую работу вы собрались? – удивленно посмотрела на них сидящая за столом полноватая рыжеволосая женщина.

– На какую, на какую? – выдержав паузу, серьезным тоном переспросил Кеша. – На самую высоко оплачиваемую. Распространителями рекламы. Но если вы можете предложить что—то более достойное, мы готовы рассмотреть варианты.

Женщина и ее коллеги, сидевшие в глубине комнаты, дружно рассмеялись.

– Какой ты бойкий, однако! – сказала она, аккуратно промакивая бумажной салфеткой выступившие от смеха слезы. – Хорошо, я подумаю, что можно будет вам предложить. Диктуйте телефоны. Как только появится что—то подходящее, я свяжусь с вами.

Она записала их номера, и Стас с Кешей, попрощавшись, вышли на улицу.

– Облом, – вздохнул Стас.

– Да хорош ты, мы в одном центре—то и побывали. Знаешь сколько их в Москве? Сотни, если не тысячи. Погнали дальше.

На проспекте Мира их тоже ожидал отказ. Кеша, в отличие от Стаса, сохранял оптимизм.

– Слушай, чего ты паришься? Найдем мы тебе работу.

– Сань, с каждым днем времени остается все меньше. Если я буду целый месяц работу искать, то шансы на поступление будут равны нулю.

– Вот мы лохи! – хлопнул себя по лбу Кеша. – Надо было спокойненько из дома обзвонить все крупные центры, а не мотаться наобум. Ладно, прорвемся. Думаю, на сегодня хватит. Завтра после школы у меня, опробуем телефонный вариант. А сейчас предлагаю краткий экскурс по Москве. Ты как?

– Я за. Куда пойдём?

– Не пойдём, а поедем. Доберемся на метро до Театральной. Посмотришь на Большой театр. От него рукой подать

до Кремля. Прошвырнемся по Красной площади и Александровскому саду. Оттуда выйдем на Новый Арбат, потом свернем на Старый. А дальше видно будет. Если не околеем, еще куда—нибудь заглянем. Эх, еще классно было бы сотки посмотреть и на Поклонку метнуться. Но это в другой раз, – спускаясь в метро, сказал Кеша.

Скоро они вынырнули на Театральной и оказались перед Большим театром. Стас отошел к дороге и долго разглядывал фасад старинного здания.

– Ну как? Впечатляет?

– Масштабно для простого театра, – ответил Стас.

– Какой же он простой? Это главный театр нашей страны, болван. Ему уже больше двухсот лет. Правда он неоднократно горел и перестраивался, но все же до сих пор никто ничего лучшего не сделал. Ладно, двинули дальше.

Они спустились в переход и через минуту были напротив гостиницы Метрополь.

– Во, смотри, – кивнул головой Кеша. – Одна из самых крутых гостиниц в Москве. Возможно, когда ты станешь супер переводчиком, будешь тут ошиваться со своими клиентами. Двигаем дальше. Это Исторический музей, – указал Кеша рукой на кирпичное здание. – А за ним, собственно и есть Красная площадь.

Друзья вышли на устланную брусчаткой площадь и смешались с толпой туристов. Стас крутил головой в разные стороны, ошеломленный таким скоплением разноязычной пуб-

лики и достопримечательностей, которые он раньше видел только на страницах книг и журналов. Спасская башня, мавзолей, ГУМ, храм Василия блаженного, почетный караул.

– Смотри, резьбу не сорви на шее, – засмеялся Кеша. – А то, как я буду с твоим батей объясняться? Мол, ваш сын увидел куранты, и у него голову оторвало от экстаза? Не поверит. Почалили на Арбат, там тоже есть на что позирить. А если здесь так уж понравилось, еще раз приедешь. Хотя нет, стой, – застыл Кеша неподалеку от небольшой церквушки. – Иди ка сюда, – потянул он Стаса к Воскресенским воротам. – Видишь бронзовый знак на земле, вокруг которого люди толпятся?

– Ну и что?

– Это нулевой километр. Говорят, что если на него встать и крутануться на пятке, то исполнится любое желание. Так что нам сюда.

Дождавшись, когда подойдет их очередь, Кеша первым ступил на бронзовый круг и совершенно отрешился от окружающего мира. Потом несколько раз с закрытыми глазами обернулся вокруг своей оси, едва заметно шевеля губами. Закончив ритуал, Кеша подтолкнул Стаса.

– Давай, теперь ты. И хорошенько подумай, а то загадаешь ерунду какую—нибудь, а она потом сбудется.

«Была, не была, – сказал себе Стас, и встал на отполированный подошвами миллионов ног бронзовый круг. – Хочу учиться во французской школе и стать переводчиком».

Он сильно оттолкнулся левой ногой и сделал два оборота на правой пятке по часовой стрелке, с трудом удерживая равновесие.

– Да, – тихо проговорил Стас, вернувшись к Кеше – Только теперь я понял, что я в Москве, в столице. Ощутил дух города. Не то, что в нашем районе. Здесь величие, мощь! А у нас школа и все...

– У нас не простая школа, – засмеялся Кеша.

– А какая? – не понял Стас.

– Какая, какая... – выразительно проговорил Кеша. – Волшебная. А называется она школа жизни. Или, вернее, школа выживания. Если выживешь, то достоин топтать нашу планету. А нет, извиняйте. Ладно, давай прошвырнемся по Александровскому саду. Вот кстати Жуков восседает на своем скакуне, – указал он рукой на фигуру великого полководца с высоты оглядывающего Манежную площадь. – А вон и вечный огонь, давай подойдем.

– Слушай, Кеш. Я по телеку смотрел, там солдаты как статуи держались. А этот, – кивнул он в сторону караульного, – какой—то расслабленный.

– По телеку тебе еще и не такое покажут. Пошли, ноги подмерзают, да и смеркается уже, – подпрыгивая и одновременно размахивая руками, поторопил Кеша. – Вон палатка, там чай и пироги дают, давай заскочим?

– У меня это... денег нет, – смущенно ответил Стас.

– Угощаю, – покровительственно сказал Кеша, хлопнув

Стаса по плечу.

Они взяли по два пирожка с картошкой и грибами и по бумажному стакану сладкого чая с лимоном. Встали за высокий круглый столик, где с жадностью оголодавших хищников прикончили незатейливую снедь.

– Теперь жить можно! – констатировал Кеша, смачно отрыгнув и поглаживая себя по животу. – Пища это энергия, а энергия – тепло. Хоть на край света двигай.

– Хорошо хоть, что до края света не так далеко осталось, – ответил Стас.

Когда через четверть часа они добрались до Нового Арбата, уже совсем стемнело.

– Ну, тут смотреть особо не на что, – бросил Кеша. – Единственное, дома прикольно подсвечены, – ткнул он рукой в вечернюю темноту, разукрашенную разноцветными огнями иллюминации на высоких прямоугольных зданиях.

Постояв пару минут, они свернули на Старый Арбат. Стас снова завертел во все стороны головой, разглядывая выложенные на уличные прилавки матрешки, шкатулки, меховые шапки, платки и другие сувениры.

– Классная шапочка, – остановился он, указывая рукой на пушистую ушанку. У нас такие на севере оленеводы носили. Интересно, сколько она стоит?

– Столько, сколько тебе и за месяц не заработать. Здесь все на иностранных буржуев рассчитано, пошли, – потащил Кеша друга дальше.

Они еще на несколько минут задержались, чтобы послушать поющего под гитару сатирические частушки молодого человека, в шляпу которого нет—нет да кто—нибудь бросал позвякивающую мелочь, а иногда и бумажные купюры.

— Эх, жаль, что ты не умеешь бренчать на гитаре, — усмехнулся Кеша, отходя от музыканта.

— Почему это тебе жаль? — удивился Стас.

— Да так. Мог бы так же как и он играть, — кивнул Кеша в ту сторону, откуда доносилась музыка и пение. — А я бы отплясывал со шляпой в руках. Думаю, поэфффективней было бы, чем тыкать в людей листовками.

— Да ну тебя, — махнул рукой Стас. — Вечно ты со своими прожеками. Вот если бы чего дельное предложил. А то если бы да кабы.

— Чего тебе не нравится? Думаешь, великие идеи по—другому рождались? Нет, именно так. Какому—нибудь нищему гению раз, пришел в голову какой—то бред. Бред, естественно, с точки зрения обывателя. А он возьми, да воплоти его в жизнь. Все потом ходят, раскрыв рты, да восхваляют, возносят до небес, благодарят того, кого еще недавно считали полудурком.

— Но, то ж гении, — отмахнулся Стас.

— А ты что ж, считаешь, что мы не гении? — возмутился Кеша и замолчал.

— Ну, ты, может, и гений, — примирительно ответил Стас.

— И ты гений, — только, видать, из тебя хорошенько веру

в это подвыбили. Ничего, ты с правильным человеком дружбу водишь. Исправим, – самоуверенно заявил Кеша, сильно хлопнув друга по плечу.

Они, молча, думая каждый о своем, прошли мимо художников, стоявших напротив своих картин и потягивающих винцо из пластиковых стаканчиков. Они искоса поглядывали на проходящую публику, и в их глазах читалась неуверенная надежда: – Может, купят? Затем друзья на пару минут остановились у старого деревянного домика величайшего из поэтов Пушкина, а потом вышли к монументальному зданию МИДа.

– Вот, если будешь хорошо учиться и слушать умных людей, – сказал Кеша, – возможно, когда—нибудь станешь министром иностранных дел. А то переводчиком... выше надо метить, братан.

Стас задрал вверх голову и смотрел на прокальвающее острым шпилем небо здание, горящее в ночи яркими желтыми огнями.

«А что? – задумался Стас. – Может Кеша и прав. Почему бы не метить сюда? Кто знает, куда пресловутая кривая выведет».

– Ладно, погнали домой, министр. А то время уже позднее, да и мороз крепчает, – поторопил Кеша, вырывая Стаса из задумчивости. – Как тебе прогулка?

– Супер! Спасибо, Кеш, – поблагодарил Стас. – За несколько часов я столько всего увидел живую и узнал

нового. Картинки хоть и бывают красивыми, но они не в силах передать величия и масштаба оригиналов.

13

Следующим утром Стас застал Кешу в отличном настроении.

– Ты чего такой веселый? – спросил он у друга, поеживаясь от холода.

– Ты ща тоже веселым станешь, – ответил Кеша, пуская в утреннюю темноту струйку пара изо рта. – Отгадай, кто мне вчера вечером звонил?

– Да откуда я знаю?!

– А ты фантазию подключи.

– Ну... Звезда что ли?

– Сам ты звезда. Звонила некая Светлана Федоровна. Женщина из администрации президента.

Стас с подозрением посмотрел на кажущегося серьезным Кешу.

– И чего она хотела?

– Да вот, зовут нас на работу. Тебя в министерство иностранных дел. Для начала предлагают должность зам министра, а меня в министерство здравоохранения на такое же место.

– А... понятно! – улыбнулся Стас розыгрышу друга. – А если серьезно?

– Если серьезно, конечно, менее интересно. Звонила та тетка из торгового центра на Новослободской...

– И что? Что она сказала? – перебил его Стас.

– То, что завтра и в воскресенье тебе придется потрудиться. Ждут к десяти утра.

– Ура! – крикнул Стас, и оторвал Кешу от земли, заскользив ногами по раскатанному льду.

– Поставь на место! – успел крикнуть Кеша, заваливаясь на поскользнувшегося Стаса. В тот же миг ребята оказались на снегу.

– Башка цела?

– Да вроде бы, – поднимаясь с земли и трогая голову, ответил Стас.

– Это радует. А то последние мозги бы выбило. Так и ходил бы всю жизнь, улыбаясь, – изобразил Кеша юродивого, встав на ноги.

– Слушай, Кеш, – вдруг завокнулся Стас. – Ты говоришь завтра в десять утра. А завтра же суббота, мы учимся.

– Расслабься. Завтра мы не учимся, в школе субботник. Или ты забыл? Так что можно забить.

– Елена же потом возбужать начнет, почему я не пришел.

– Не начнет. Думаю, ее не будет. По крайней мере, несколько лет я ее на субботниках не наблюдал. А я за тебя отмечусь.

Друзья остановились на школьном крыльце, по которому поднимались раскрасневшиеся от мороза школьники. Стас стряхнул с себя налипший снег, и они с Кешей вошли в здание навстречу новому учебному дню.

После третьего урока Кеша сказал Стасу, что пойдет домой.

– Почему? – поинтересовался Стас.

– Да ты знаешь, Ангелина Степановна так вдохновенно сегодня отрывок из Гриновских «Алых парусов» читала, что я заслушался, и мне стало немного стыдно. Смотрю на нее, и кажется мне, что стоит она помолодевшая на до блеска отдраенной палубе «Секрета». Волосы ее по ветру развеивает морской бриз. Глаза горят. Солнце пробивается через алые паруса. И так здорово стало на душе. Мне даже показалось, что если мы встанем всем классом и выйдем, она даже не заметит.

– Да, Ангелина Степановна без ума от своей литературы. А из—за чего тебе стыдно—то стало?

– Да я, видишь ли, не прочел книгу.

– Да ты много чего не читал да и что с того? – удивился Стас.

– А вот Грин меня зацепил. Что—то есть в нем такое... сказочное и настоящее одновременно. Ну, в общем, то, как должно быть на самом деле. Не знаю, как объяснить. Побегу читать. Так что сегодня я не доступен, пока, – пожал Кеша на прощание другу руку.

После последнего урока Стас вышел из класса вместе с Таней.

– А куда Кеша делся? – спросила она.

– Домой ушел, решил немного отдохнуть от школы.

– Ясненько.

Тут Стас вспомнил, что как—то предлагал Тане поболтать на английском. Кеши рядом нет, спешить некуда, поэтому он набрался смелости и обратился к Тане:

– Тань, если хочешь, можем пройтись немного.

Девушка вопросительно посмотрела на него. Стас засмутился и тут же, запинаясь, начал оправдываться.

– Да я это... имел в виду попрактиковать английский.

– Ой, здорово как! – обрадовалась она.

Стас накинул свою куртку, а потом помог Тане одеть лиловое пуховое пальто. Они вышли на улицу, где сторож дядя Коля, одетый в синий фартук поверх свитера и ушанку, вооруженный метлой разгонял толпу школьников, обстреливающих выходящих из здания снежками.

– Вот сейчас я вас так да раз эдак! – кидался он на гогочущих ребят, держа в руке метлу, словно боевое копье и целясь в очередную жертву.

Стас с Таней проскочили мимо него невредимыми и неторопливо побрели вдоль дороги, по обочине которой стояли рослые ветвистые тополя, густо покрытые белым снежным мехом. Когда мимо проезжал грузовик или автобус, сотрясая воздух, деревья щедро делились с ребятами снегом, который так и норовил попасть за шиворот. Таня потуже затянула белый шерстяной шарф, а Стас до конца застегнул молнию и накинул капюшон. Разговор завязался сам собой. Они перешли на английский и обсудили, кажется все, начи-

ная с дяди Коли и заканчивая проблемой всемирного потепления. Но вот неожиданно Таня остановилась перед четырнадцатизэтажным домом из желтого кирпича.

– Ну вот, – переходя на русский, сказала она, – я и дома. – Стас, скажи, а как тебе Москва, нравится?

– Конечно! – не раздумывая, ответил Стас. – Самый большой и красивый город на свете.

– А ты не скучаешь по тому месту, откуда приехал?

– Ну, вообще—то есть немного. Ведь я там вырос, как не скучать. Наш городок полная противоположность Москвы. Здесь тысячи домов, там всего лишь несколько десятков, да и то четырехэтажных. Здесь жизнь не останавливается не на секунду, даже ночью. Там она и днем никуда не торопится. У всего четкий, размеренный ритм и порядок. Сегодня известно, что будет завтра, послезавтра, через несколько лет. Если, конечно, не произойдет какой—нибудь апокалипсис. А здесь все кружится, вертится, – сделал резкое круговое движение правой рукой Стас, добавляя эмоций к своим словам. – По правде говоря, у меня и скучать—то времени особо нет. Вечером перед сном только вспомню прошлую жизнь, как через минуту уже вижу сны. В них я частенько переносусь в свой военный городок, – задумчиво ответил Стас.

– А с одноклассниками, друзьями общаешься? – спросила Таня.

– Редко. Там закрытая территория. Сотовая связь ника-

кая. Так, пару раз ребята набирали. Интересуются, как я здесь устроился. Я им иногда смски отправляю. Правда, не всегда доходят, – улыбнулся Стас.

Он внимательно посмотрел на Таню и заметил, что ее белоснежные щеки от мороза покрылись румянцем цвета переспевшей рябины.

– Тань, я тебя, наверное, заговорил. Холодно, ты совсем замерзла, – смущенно опустив глаза, сказал Стас.

– Спасибо за беседу и за то, что проводил, – поблагодарила она Стаса.

– Да не за что. Это тебе спасибо, – скромно ответил Стас, неуклюже топчась на месте и глядя на образовавшуюся под ногами слякоть. – Ю а велком. Бай!

– Бай – бай! – улыбнулась Таня на прощание и помахала Стасу рукой.

Он взглядом проводил ее до подъезда, дождался, пока она скроется за дверями, а затем побрел в сторону дома.

«Необычная она девчонка, – размышлял Стас. – Не такая, как все. С ней пообщаться прикольно и еще она красивая... – мелькнуло у Стаса в голове и тут же, смутившись, он запнулся. – Так, надо поскорей домой чесать да уроки к понедельнику сделать, – попытался он направить мысли в другое русло. – А то ведь в выходные я буду занят, времени совсем не останется».

На следующий день в десять утра Стас, оставляя за собой грязные следы на светлом мраморном полу, поднялся на второй этаж торгового центра и постучал в кабинет администрации. Ответом была тишина. Он подождал минутку и еще раз побарабанил в дверь и надавил на ручку. Дверь оказалась заперта. Стас сделал несколько шагов назад и присел на белый пластиковый стул, приставленный к стене напротив. Снял шапку и расстегнул куртку.

Через несколько минут в коридоре послышались шаги, и вслед за ними из—за угла величественно выплыла массивная фигура Светланы Федоровны, облитая шоколадного цвета дубленкой с пышным меховым воротником. Голову венчала высокая меховая шапка, на которой алмазами вспыхивали тающие снежинки.

Стас встал навстречу ей и поздоровался. Оглядев его с головы до ног, Светлана Федоровна кивком головы ответила на приветствие. Медленно стянув с руки перчатку из мягкой кожи, она расстегнула светло—коричневую лаковую сумку и вытащила из нее связку ключей. Открыла дверь и пригласила Стаса войти.

– А где твой бойкий друг? Почему не приехал? – вешая дубленку и шапку на вешалку, стоящую рядом с рабочим столом, спросила она.

– Он не смог, – ответил Стас.

– Ясно, – опускаясь в мягкое кожаное кресло на колесах, произнесла она. – Значит—с так. Вот рекламные проспекты, – указала она на лежащие высокими стопками на столе пестрые листки бумаги. Твоя задача состоит в том, чтобы раздавать их проходящим мимо нашего комплекса людям, то есть потенциальным покупателям. Как ты, наверное, уже догадался, с той целью, чтобы они не проходили мимо. А напрямик шли в наш торговый центр. Напомни, как тебя зовут?

– Стас.

– Надеюсь, Стас, у тебя хорошо работает воображение, и ты будешь не просто протягивать бумажки людям, а придумаешь что—нибудь эдакое, завлекательное. Половина одиннадцатого, – взглянула она на часы. – Народ уже просыпается и после одиннадцати, я надеюсь, будет многолюдней. Хочешь выпей пока чаю. Вон кулер, – указала она в угол кабинета, где рядом с окном друг напротив друга стояли два дивана с журнальным столиком посередине, а за ними вниз горлышком в кулер был вставлен большой пластиковый бутыль с водой. – Заварка и сахар на подоконнике.

– Спасибо, – поблагодарил Стас и налил в одноразовый стаканчик кипятка.

Туда же бросил пакетик с ароматным чаем и несколько кубиков подозрительно темного сахара.

– Да, если замерзнешь, забегай погреться, – предложила

Светлана Федоровна и, сделав пометки в ежедневнике, включила компьютер.

Стас выпил чай с ароматом земляники и сложил пачки листовок в рюкзак. Затем надел куртку и спустился на первый этаж. Застегнувшись и натянув шапку, он открыл стеклянную дверь и оказался на морозной улице. По дороге быстро мчались автомобили, оставляя за собой синеватые облачка выхлопных газов. С безразличным видом выходили из метро случайные прохожие и, столкнувшись лицом к лицу с пронизывающим холодом, поеживались и ползли по своим ранним выходным делам.

Стас встал неподалеку от выхода и, зажав в руке листовку, шагнул идущему ему навстречу мужчине. Тот бросил на Стаса презрительный взгляд и отвернулся. Кто—то вообще, как показалось Стасу, его не замечал, или, по крайней мере, делал вид. Какой—то наполовину трезвый гражданин лет пятидесяти вылил на него ушат отборной матерщины, и уже было хотел накинуться с кулаками. Но появившийся из дверей торгового центра охранник грозно шикнул на него, после чего тот смиренно удалился.

«Да уж, приветливый народец, – расстроился Стас. – Если так дальше пойдет, к вечеру я не только без денег вернусь, а еще вдобавок с проломленной черепушкой».

Постепенно улица просыпалась. И даже первая пачка с буклетами стала чуть тоньше. Стас посмотрел на часы.

«Офигеть! Скоро двенадцать, а я и полпачки не раздал.

Надо что—то делать. Был бы со мной Кеша... ну да ладно, сами что—нибудь сообразим», – подумал Стас, глядя по сторонам.

Вскоре он обратил внимание, что много людей, как по одиночке, так и семьями заходят в многочисленные кафе и ресторанчики, разбросанные вокруг.

«А не попробовать ли мне туда сунуться со своей рекламой?» – пришла ему в голову мысль, и он передислоцировался к входу одного из кафе.

Через некоторое время Стас обратил внимание, что люди, выходявшие из ресторана, были намного дружелюбнее настроены и охотно брали у него листовки. И некоторые даже шли в торговый центр.

«Йес! – воскликнул про себя Стас. – Похоже, дело двинулось. Сытый человек – дружелюбный человек!».

Стас нашел поблизости еще несколько кафешек, и начал курсировать от одного к другому. Каждое из них помимо оригинального стиля имело еще и свой собственный запах, попадающий на улицу через входные двери, от которого у Стаса не на шутку разыгрался аппетит. От ходьбы кровь побежала быстрее, и ему стало гораздо теплее. К двум часам он вернулся в кабинет Светланы Федоровны.

– Замерз? – вопросительно посмотрела она на Стаса.

– Нет, все раздал.

– Не может быть, – прокалывая Стаса острыми, как иголки зрачками, спросила она.

– Почему? – не понял Стас.

– Потому что, обычно такое количество рекламы, которое я дала тебе одному, распространяют два человека. И заканчивают работу ближе к вечеру. Что ж, проверим, – сняла она телефонную трубку и набрала несколько цифр.

– Саш, посмотри, что сделал наш распространитель с рекламой, – пропела она в микрофон. – Кому он ее передал, людям или мусорным бакам.

– Каким мусорным бакам? – не понял Стас. – Вы думаете, что я ее выкинул? – с обидой в голосе спросил он.

– Я не думаю, я предполагаю такую возможность. Ты же не первый у нас. Были прецеденты, – ответила Светлана Федоровна, поправляя шарф на шее.

«Почему взрослые всегда подозревают худшее? Невозможно же жить в постоянном ожидании какого—нибудь подвоха!» – возмутился про себя Стас.

Через несколько минут зазвонил телефон. Светлана Федоровна сказала спасибо и примирительно посмотрела на Стаса.

– А ты фартовый, – улыбнулась она. – Расчет или еще поработать хочешь?

– Еще, – ответил Стас.

Он выпил стакан чая с предложенной Светланой Федоровной слойкой, и, схватив пачку буклетов, исчез за дверью.

Выходные принесли Стасу две тысячи двести рублей, которые спрятались в недрах учебника французского язы-

ка, пытаясь обрести между страницами правильную форму. Стас договорился со Светланой Федоровной, что в следующую субботу он приедет на работу после школы часам к трем.

В понедельник Стас набрал Ирине Сергеевне и сказал, что пока сможет заниматься только раз в неделю.

– Ну что ж, дело ваше. В таком случае поступление я не гарантирую. В субботу в час жду тебя. Записывай адрес, – сказала Ирина Сергеевна.

К предстоящей субботе Стас готовился изо всех сил. За пять дней он перелопатил огромное количество грамматического материала. А все свободное время прослушивал аудиозаписи на французском языке, оттачивая произношение, которое, впрочем, продолжало жить своей не зависимой от Франции жизнью.

В субботу в назначенное время он набрал номер квартиры Ирины Сергеевны на домофоне. Тот запиликал, впустив его в чистый светлый подъезд.

Стас вызвал лифт, который поднял его на четырнадцатый этаж шестнадцатизэтажного панельного дома. Дверцы растворились, выплюнув Стаса на нужном этаже. Он нажал кнопку звонка. Послышался собачий лай. Судя по звонкому голосу, зверь был не крупным. Дверь открылась и на Стаса запрыгнула длинная рыжая такса, высунув язык и болтая от радости хвостом при виде гостя.

– Ньюша, отстань! – прикрикнула на нее Ирина Сергеевна. – Иди на место.

Но Нюша и не думала выполнять приказ, продолжая волчком кружиться вокруг Стаса, втыкаясь в него своей узенькой мордочкой и водя в стороны черным влажным носом. Вместе с собакой они прошли через общий коридор, заваленный велосипедами, автомобильными шинами и другим необходимым хламом и оказались в просторной трехкомнатной квартире улучшенной планировки, внутри которой витал приятный аромат кофе и домашней выпечки.

– Обувь ставь сюда, на коврик. А куртку давай мне, я повешу ее в шкаф, – забирая из рук Стаса одежду, сказала Ирина Сергеевна.

Они прошли в небольшую, светлую комнату, оклеенную бежевыми обоями с хрустальной люстрой посередине белоснежного потолка. У окна стоял полукруглый рабочий стол. К нему присоседился еще один маленький столик с приставленным вращающимся креслом, куда Стас и уселся. В другом конце комнаты стоял диван, рядом с ним высокий, почти до самого потолка, шкаф. На стенах висели заваленные книгами и тетрадями деревянные полки.

Нюша была выставлена из комнаты, и какое—то время жалобно скулила под дверью, требуя внимания и ласк нового знакомого.

Ирина Сергеевна положила перед Стасом несколько отскеренных страниц учебника, где не было ни одного слова на русском.

– Стас, тебе понадобится такой же учебник с аудио кур-

сом. Он продается в доме педагогической книги. Или можно заказать в интернет—магазине.

Стас переписал название в конец тетрадки, и они приступили к занятиям.

Когда Ирина Сергеевна сказала, что урок окончен, он удивленно поднял на нее глаза. Ему казалось, что они только начали, но стрелки часов не обманывали, время подошло к концу. Стас записал задание, отдал деньги и пошел одеваться. В этот момент в дверь позвонили. Нюша громко затыкала и пулей вылетела встречать следующего ученика. Выйдя в коридор, Стас столкнулся с невысоким белобрысым пареньком примерно одного с ним возраста.

– Салю! – поприветствовал он Стаса на французский манер.

– Салю! – ответил Стас и пожал протянутую руку.

– Проходи Алеша, – сказала новому ученику Ирина Сергеевна и, попрощавшись со Стасом, закрыла за ним дверь.

Выйдя из подъезда, Стас зашагал в сторону метро. Мороз покусывал за нос маленькими острыми зубками и подрумянивал щеки. Стас вдруг вспомнил свой военный городок и глубоко вздохнул. Он пытался сопоставить жизнь там и жизнь здесь. Но мысли перескакивали друг через дружку, и он никак не мог прийти к выводу, где ему больше нравится, где лучше. Там природа и свобода, здесь бурлящий жизненный котел с огромным количеством малоизвестных пока ингредиентов. Там было легче, здесь гораздо сложнее. Но сто-

лица приоткрыла ему небольшую щелочку надежды на светлое будущее.

«Как круто меняется жизнь, – размышлял Стас, вслушиваясь в мелодию, отбиваемую колесами поезда, и разглядывая пассажиров подземки. – Жил в маленьком городишке, где всего—то несколько десятков автомобилей. А теперь как червь ползу в поезде под землей. А сверху десятки тысяч машин, миллионы людей. И всем есть место. И как говорит Кеша, никому ни до кого нет дела. Как такое может быть?»

Голос из динамиков назвал нужную станцию. Стас вышел из вагона и скоро оказался на длинной ленте эскалатора, которая подхватила его и потащила вверх. Стас крутил головой из стороны в сторону, разглядывая броские рекламные объявления. Голос диктора просил соблюдать безопасность и предлагал молодым людям работу в метрополитене. Выскочив из подземки, Стас заскочил в торговый центр и поднялся в кабинет администрации, где получил от Светланы Федоровны пачку рекламных проспектов. Затем вышел на улицу и по выработанной схеме, перемещаясь от одного кафе к другому, в течение двух часов избавился от нее.

Довольный собой, он бойко зашагал в сторону торгового центра. Поднялся по лестнице и вошел в офис.

– Стас, – обратилась к нему Светлана Федоровна, вручая причитающийся гонорар. – Ты хорошо работаешь. Так что если завтра свободен, приходи.

– Спасибо, – смутившись от неожиданной похвалы, по-

краснел Стас.

– Пожалуйста, – улыбнувшись, ответила Светлана Федоровна. – До новых встреч, пока.

– До свидания! – закидывая на плечо рюкзак, попрощался Стас, и вышел из кабинета администрации.

«Оказывается, я на что—то гожусь, – радостно подумал Стас. – И еще за мою работу деньги платят и благодарят, не то, что дома».

Стас спустился в метро, где летом прохладно, а зимой тепло, и в полупустом вагоне помчался домой.

Выбравшись на улицу на своей станции, он чуть не сбил с ног человека, на груди и спине которого были прикреплены крупные, почти в рост, рекламные щиты. Стас извинился и хотел бежать дальше, но вдруг его взгляд выцепил слово курьер. Человек—реклама предлагал работу курьером.

«А что? – подумал Стас. – Неплохая идея. Можно попробовать. Все лучше, чем на морозе топтаться с протянутой рукой. Взял заказы и развез по адресам. Тепло, хорошо и не надо раскланиваться перед прохожими».

Он подошел к человеку—рекламе и спросил, какой товар нужно развозить, с какого возраста берут на работу. Но тот ответил, что всего лишь работает рекламным щитом и по поводу условий ничего не знает.

– Что повесят, то и ношу. На вот, возьми визитку. Позвонишь, они тебе все популярно растолкуют, – сказал Стасу пожилой красноносый человек—реклама, протягивая ви-

зитную карточку.

Стас взял визитку и неторопливо пошел в сторону дома. На красной бумажке белый печатный текст зазывал, требовал, жаждал молодых энергичных людей для сдельной, хорошо оплачиваемой работы курьером. Стас вытащил из кармана телефон и набрал один из номеров.

– Слушаю, – услышался в трубке женский голос.

– Здравствуйте, с кем могу поговорить по поводу работы? – спросил Стас.

– Сколько вам лет? – поинтересовались на другом конце линии.

– Четырнадцать.

– Школьник, значит. На какой станции метро живете?

– Проспект Вернадского, – ответил Стас.

– Мы находимся на Юго—Западной. Завтра к десяти сможешь прийти? Посмотрим на тебя.

– Да, – ответил Стас.

– Тогда пиши адрес.

Достав из рюкзака ручку, Стас начавшей коченеть от крутого мороза рукой нацарапал адрес на обратной стороне визитки и в предвкушении новых перспектив помчался домой. Взлетев метеором на четвертый этаж, открыл ключом дверь и, оказавшись в тепле, почувствовал, как кровь начала двигаться быстрее, отгоняя завладевший его телом холод. После плотного ужина в компании с родителями он окончательно отогрелся. Отец потребовал дневник для проверки. Он

был в хорошем расположении духа, похвалил Стаса, приписав все успехи сына сугубо своему воспитательскому таланту.

Стас уединился в своей комнате и накинудся на уроки. Перед сном к нему заглянула мать.

– Сынок, завтра утром поедем в магазин. Нужно кое—что из одежды тебе подкупить. И лыжи для уроков физкультуры.

– Ма, я не могу завтра, – испуганно ответил Стас, глядя на невысокую, кутавшуюся в зеленый махровый халат, фигуру матери. – У нас... мне в школу надо, у нас как это... э—э—э... репетиция Нового Года. К елке готовимся.

– Вот как? Что ж ты раньше молчал?

– Да я сам только вчера узнал. Не успел сказать, – соврал Стас.

– А во сколько вернешься?

– Точно не знаю, ма. Думаю не раньше, чем после обеда.

– Что ж, жаль. Придется ехать без тебя. Дай я хотя бы ногу твою обрисую, чтобы не промахнуться с размером.

Мать принесла листок бумаги и ручкой обвела стопу сына.

– Стас, ты точный рост свой знаешь? Когда в последний раз измерял?

– Неделю назад в поликлинике. Рост сто семьдесят восемь, вес шестьдесят девять килограмм, давление как у космонавта, – отрапортовал Стас.

Мать записала данные на обратной стороне листа и, пожелав сыну спокойной ночи, прикрыла за собой дверь. Стас

облегченно выдохнул: – Уф! Кажись, пронесло!

В девять утра Стас звонил в дверь Кеши. Открыла, его мать Татьяна Андреевна. Ее крупную фигуру обтягивал красный фартук с цветами. Стас потянул носом и поймал запах блинов.

– Доброе утро, Стас. Ты чего в такую рань? Воскресенье. Вы договорились идти куда—то?

– Здрасьте, Татьяна Андреевна. Нет, я хотел кое—что спросить у Саши. Но если он спит...

– Мам, кто там? – прохрипел из комнаты Кеша.

– Стас пришел, – ответила Татьяна Андреевна.

– Заходи, – громко зевая, позвал Кеша.

– Сань, я на минутку, выйди, а?

Маятником раскачиваясь из стороны в сторону, в коридор ввалился взлохмаченный Кеша, укутанный толстым пуховым одеялом в голубом пододеяльнике.

– Чего случилось? – спросил он, яростно потирая слипшиеся глаза, в попытках отогнать от себя сон. – Заходи, мать, похоже, блины печет, – принюхиваясь, пригласил он Стаса.

– Да не, спасибо. В другой раз. Слушай, я еду по поводу новой работы, – заговорщицки шепнул Стас другу на ухо. – Своим сказал, что у нас репетиция елки в школе и все такое. Если что, подтвердишь, бьен?

– Бьен, бьен, – широко зевая, сказал ничего толком не по-

нявший Кеша. – Ладно, тогда я дальше давить пошел. Заходи, как освободишься.

– Спасибо Сань, не забудь. Репетиция елки минимум до трех. Я заскочу. Пока.

Друзья хлопнули друг друга по рукам, и Стас, пулей вылетев из подъезда, помчался к метро. Нырнул под землю и уже через несколько минут был на Юго—Западной. Пробежал мимо торговых рядов, повернул направо и среди однообразно торчащих панельных шестнадцатизэтажек нашел нужную. Между накрытыми козырьками подъездами Стас отыскал лестницу, ведущую вниз, и немного раньше назначенного времени спустился в темное полуподвальное помещение жилого дома. Дверь оказалась открыта. Стас прошел по холодному коридору с серыми стенами, освещенному несколькими тусклыми лампочками, и постучал в деревянную дверь под номером семь, из—за которой долетали обрывки женского голоса. Стас приоткрыл дверь и заглянул в небольшой кабинет.

– Добрый день. Я вчера насчет работы звонил, – обратился он к сидящей за столом женщине в наброшенной на плечи шерстяной шали и прижимающей плечом к уху телефонную трубку.

Она внимательно слушала оппонента, иногда поддакивая в ответ и одновременно работая маникюрной пилочкой.

– Подожди в коридоре, Рита сейчас подойдет, – шепнула она Стасу, прикрывая ладонью микрофон.

Он снова оказался в узком пыльном коридоре, пол которого был покрыт старой разбитой кафельной плиткой. Стас приблизился к заляпанному окну, начинавшемуся на уровне его глаз, и взглянул вверх. В этот момент мимо него прошла пара женских ног, обутая в высокие красные сапоги на тонких каблуках. Звучно лязгнула входная дверь. Стас оглянулся. К нему приближалась одетая в розовое пуховое пальто, подчеркивающие все изгибы пышной фигуры молодая женщина лет тридцати. Кругленькая, розовощекая, с торчащими из—под шапки белыми завитушками волос. Она поравнялась со Стасом, взялась за ручку и потянула на себя заскрипевшую дверь. Теплый воздух вырвался из комнаты, донесся до Стаса приторный аромат духов. Неожиданно она замерла и, обернувшись к молодому человеку, спросила:

– А ты к кому?

– Я к Рите, по поводу работы.

– Школьник? С Проспекта Вернадского? – усмехнулась она.

– Да, – ответил смутившийся Стас.

– Проходи, – открывая дверь и впуская Стаса в большую комнату, сплошь уставленную деревянными стеллажами, которые были завалены коробочками разных форм и размеров, сказала Рита. – Тебя как зовут—то?

– Стас, – представился он женщине. – А вас Рита?

– Рита, Рита, всё шито – крыто! – пошутила она.

Рита бросила белоснежную сумочку на рабочее крес-

ло. Затем расстегнула широкую стальную молнию пуховика и повесила его на вешалку за ее рабочим местом.

– Значит, работать хочешь? – спросила она Стаса, устрояясь за длинным рабочим столом, заложённым накладными и офисными принадлежностями.

— Угу, – подтвердил Стас.

– А по выходным? – обратилась к нему Рита, включая монитор, обклеенный исписанными размашистым почерком цветными бумажками—напоминалками.

– Да. Это даже лучше.

– Вот и хорошо. Держи бумагу и ручку. Напиши свои данные: фамилию, имя, отчество, дату рождения, домашний адрес, номер школы и телефон.

– А можно я только сотовый оставлю? – спросил Стас.

– А домашний что?

– Да, в общем... родители не знают, что я работать собрался.

– Вот те раз? Как же мы тебя возьмем без согласия родителей? Тебе деньги—то на что нужны? – поинтересовалась Рита.

– Ну... на это... – замялся Стас.

– Ясно, девчонка!

Стас опустил глаза и молча забегал взглядом по замысловатым лабиринтам линолеума, отчаянно пытаясь подобрать нужные слова.

– Ладно, ладно, не скромничай! В общем—то, нам как раз

и нужен шустрый паренек для доставки в выходные. Обычно от четырех до семи заказов. За каждый по триста пятьдесят рублей. Идет?

Стас утвердительно закивал головой.

– Только в субботу я после обеда могу.

– Почему? – удивилась Рита.

– Школа, факультатив.

– Эх, куда мир катится? Детям никакого отдыха! Учеба да зубрежка, жуть! – выпалила эмоционально Рита. – Значится так. На сегодня у меня, – она на секунду отвлеклась, сверяясь с бумагой, – пять адресов. Развезешь, а после закинешь мне вырубку. Да, забыла сказать, мы занимаемся пищевыми добавками. Знаешь, что это такое и с чем едят?

– Не совсем, – ответил Стас – Но можно догадаться, что с пищей.

– Железная логика, – улыбнувшись, похвалила парня Рита. – Если быть более точным, то это всякие штучки для улучшения здоровья. Вот документы, а вот заказы, – доставая с полки четыре небольших бумажных пакета и коробку, сказала Рита. – К каждому приколота накладная с адресом. Как выходишь из метро, набираешь клиенту. Затраты на телефон и дорогу компенсируем.

– У меня на счету денег мало, боюсь, не хватит. А насчет транспорта можете не беспокоиться, у меня единый.

– Сейчас кину тебе со своего номера.

Порывшись в сумочке, Рита вытащила золотистый смарт-

фон и, ловко тыкая в кнопки длинным алым ногтем, отправила Стасу деньги. У Стаса запиликал телефон, сообщая, что на счет поступил платеж сто рублей.

– У тебя сегодня выходной, и, как я погляжу ты без ранца, – засмеялась Рита, открывая нижний ящик рабочего стола.

Она вытащила большой зеленый пакет с названием их интернет—магазина «Будь здоров!» и протянула его Стасу.

– На вот, сложи заказы. А теперь ученик, руки в ноги и вперед. Возникнут вопросы, звони. Постой, – крикнула она, когда Стас был уже у двери. – Ты город—то хорошо знаешь?

– Ну, так...

– Не очень, ясно. На, держи карту, а то до ночи будешь блуждать по закоулкам и лабиринтам мегаполиса, – протянула она сложенную в несколько раз схему города.

Стас разобрал накладные. Один из заказов нужно было доставить на соседнюю улицу. С него—то он и начал. Получив от Риты напутственные наставления, он взял пакет с товаром и вышел на улицу. Быстрым шагом пересек несколько дворов и подошел к подъезду указанного в документах дома. Набрал на домофоне номер квартиры. Долго пиликал звонок, но так никто и не открыл дверь. Стас хотел повторно набрать номер, когда дверь распахнулась, и из подъезда вышел мужчина. Воспользовавшись случаем, Стас скользнул в подъезд, но тут же был перехвачен бдительной старушкой

консьержкой.

– Ты к кому? – подозрительно, прищурившись, спросила она, загораживая проход к лифтам.

– Я в сто сорок третью, – ответил Стас, отступая назад.

– А почему не позвонил в домофон?

– Я звонил, но там никто не отвечает.

– Значит, никого нет дома. Иди на улицу и снова набирай номер квартиры. Пусть они сами тебе открывают. А то шляются тут всякие!

Стас решил не пререкаться с грозной старухой и вышел на улицу. Набрал номер и в этот раз ответили. Дверь запиликала и пропустила его внутрь.

– Так то, – пробурчала вслед консьержка, провожая Стаса изучающим взглядом.

Отдав заказ клиенту, он получил деньги и рванул в сторону метро, по пути калькулируя, сколько сегодня заработает. Спустившись в подземку, остановился перед схемой метрополитена, разрабатывая наиболее подходящий маршрут.

Успешно справившись с работой, к половине четвертого Стас вернулся в офис. Сдал выручку, получил положенный гонорар, а к нему в придачу плитку шоколадки от пухлышки Риты.

– На, подкрепи силы. Замерз и голодный, поди? В пятницу часиков в семь вечера звони, согласуем план действий. И постарайся в субботу пораньше освободиться. Пока, школьник! – улыбнулась Рита на прощанье.

Стас в очередной раз спустился в метро. От постоянной беготни вверх—вниз по лестницам и эскалаторам мышцы ног гудели от напряжения.

«Неплохая тренировка, – подумал он, бережно ощупывая внутренний карман куртки, в котором лежали заработанные деньги. – Тысяча семьсот пятьдесят. За один день почти на занятие заработал, – обрадовался он. – И прикольно, что не нужно больше человеком—рекламой быть! А в будни остается куча времени для уроков. Такая работа мне больше по душе. Взял товар, засунул в рюкзак и прыг в метро. Мало ли куда я еду. Пришел к клиенту, отдал заказ, деньги получил и все. Никаких людных мест, где нужно опасаться быть замеченным кем—нибудь из знакомых. Супер!»

Воодушевленный новыми перспективами, Стас быстро добежал до дома и нырнул в Кешин подъезд. Ему пришлось несколько раз нажать на кнопку звонка, прежде чем за дверью послышались неторопливые шаги.

– Как репетиция прошла? – ухмыляясь, спросил открывший дверь Кеша, одетый в серые трикотажные шорты и белую майку.

– Нормаль. Устал, правда, мальчика. В следующие выходные снова репетиция. И в субботу и в воскресенье, – стягивая с затекших ног ботинки, серьезно ответил Стас. – Так что не забудь подстраховать.

– Ясно, так и запишем. А у тебя какая роль?

– Роль? Хороший вопрос, об этом я еще не думал, – по-

чесал затылок Стас.

– Ты подумай. Например, как тебе дед Мороз? А Танюха Снегурка? – заржал Кеша.

– Да пошел ты! – обиделся Стас на друга.

– А я что? Я ничего и не говорю. Если тебе Танюха не нравится, я сам за ней приударю. Она симпатичная, фигуристая... – искоса наблюдая за тем, как меняется выражение лица Стаса, пропел Кеша. – Ладно, ладно, шутка. Слушай, я тебе блингов матушкиных оставил. Она лучше всех их готовит. Пошли, заценишь, – предложил Кеша.

– Супер! А то я голодный, как собака. Набегался за сегодня. На, держи, – достав из кармана плитку шоколада, сказал Стас.

– Белый? Мой любимый, – вырывая из руки друга упаковку, обрадовался Кеша. – Слушай, а если без дураков, чего там у тебя за работа?

– С этого и надо было начинать. А то репетиция, Дед Мороз, Снегурочка... – остановившись перед ванной, буркнул Стас. – Да курьером пристроился в интернет—магазин. Вчера выхожу из метро, смотрю, стоит человек—реклама. Предлагает работу курьером. Думаю, чем не тема. Дай попробую. Позвонил, и вот сегодня первый рабочий день. Тысяча семьсот пятьдесят на кармане. И всего лишь пять заказов развез. Беготни, правда, много. Но от этого ноги крепче будут. И не надо ничего никому впаривать на улице. Рюкзачок за спину и вперед. Всего и делов—то.

– А чем магазин торгует? – спросил Кеша.

– Бадами. Биологически активными добавками. Так что если чего понадобится, обращайся. Для тебя доставка бесплатная! – прорекламиривал магазин Стас.

– Ладно, ладно, все понял. Буду иметь в виду. Ты руки давай мой быстрее, курьер. А то обвинят меня, что заморил голодом подрастающего пролетария.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.